

А. Н. Данилов

**На пути к новому глобальному
порядку : опасности и
перспективы новой стратегии
мирового развития**

Doctrina. Studia społeczno-polityczne 2, 71-112

2005

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

А.Н. Данилов

На пути к новому глобальному порядку: опасности и перспективы новой стратегии мирового развития

Вступление человечества в XXI век и в новое тысячелетие ознаменовало собой не только преодоление некоего временного рубежа, но стало очевидным - мир изменился. Многие аналитики склонны считать, что в начале XXI века социальный мир все больше становится единым, оставаясь расколотым, конфликтным, иерархичным и неравным, «одно-временно и глобальная система и расколотый мир с беспрецедентными возможностями большей справедливости и благосостояния для всех и беспрецедентных угроз ядерной войны и экологической катастрофы» (А. Мартинелли, 2002)¹.

Очевидно, что глобализация требует фундаментального пересмотра основных концепций социологической традиции. Сегодня скорость научных и технических инноваций, размах социальных перемен не соразмерны с развитием новых парадигм и теорий социального мира. Мир, в котором мы живем, далек от совершенства и может быть прежде всего понимание этого привели к тому, что ожидания, связанные со Всемирным саммитом по устойчивому развитию, который проходил с 26 августа по 4 сентября 2002 года в Йоханесбурге, были как потом оказалось чрезвычайно завышенными. Спустя десять лет после ставшего легендарным «Саммита Земли» в Рио-де-Жанейро подводились непростые итоги десятилетнего отката назад. Десяткам тысячам участникам Всемирной конференции из более ста стран мира, как и многим аналитикам, которые не сумели приехать в ЮАР, уже до начала саммита было ясно, что обещания, данные в 1992 году, были невыполнимы.

Мировое сообщество так и не захотело услышать предупреждение о том, что наша цивилизация вступает в фазу повышенных рисков. Одностороннее уравнивание стилей жизни с господствующими западными потребительскими образцами к чему ведет в настоящее время процесс глобализации часто связано с большими экологическими проблемами, маргинализацией других культур, типов мышления, языков и социальных институтов. Такому развитию сопротивляются во всем мире. Глобализация

¹ Мартинелли А. Рынок, правительства и глобальное управление // Социология 2002. № 4. С. 8.

для многих стран мира, в том числе и трансформирующихся постсоветских государств, оборачивается негативными ее сторонами. «Самое дурное в глобализации, – как точно заметил В.А. Ядов, – это формирование такой мировой экономической системы, в которой господствуют неконтролируемые силы, непонятные финансовые корпорации, и государство утрачивает способность гарантировать человеку устойчивое существование»².

В настоящее время международное сообщество лишь осознает то, что нынешний путь развития – тупиковый. Но мыслит это сообщество (или точнее те, кто представляет его) пока еще преимущественно на основе старых подходов и, к сожалению, кроме идеи сосредоточить информацию и управление в руках неких наднациональных структур, предложить ничего не в состоянии. Хотя для некоторых наших коллег «очевидны уже контуры всемирного правительства в лице Европейского парламента и ИНТЕР-ПОЛа»³, для них «бесспорно лишь то, что национально-государственные формы человеческого бытия все больше утрачивают свою самостоятельность»⁴. Все не так бесспорно. Да и недавние события с распадом СССР показали, что вновь образовавшиеся государства не бросились создавать наднациональные структуры, а прежде всего сполна оценили преимущества национального суверенитета, хорошо понимая, что никто за них не будет решать насущные проблемы страны: как накормить людей и обустроить их быт, дать образование и сохранить здоровье, создать условия для развития национальной культуры, литературы и искусства, обеспечить безопасность.

Выдающийся немецкий социолог Ю. Хабермас, на мой взгляд, очень точно заметил: «Трансформирующиеся общества в Центральной Европе, которые хотят вступить в ЕС, должны справиться с экстремальными вызовами системного перелома. Но их ответом стал возврат к национальному государству. В этих странах нет энтузиазма по поводу передачи европейским инстанциям недавно отвоеванных прав суверенитета...»⁵. И далее: «Вызов заключается не столько в том, чтобы изобрести что-то новое, сколько в том, чтобы в ином формате сохранить великие достижения европейского национального государства, выйдя за его национальные границы; новой будет лишь та сущность, что возникает на этом пути»⁶. Ю. Хабермас заключает: «Ни „ассимиляция“, ни „сосуществование“ не являются моделями, подходящими для нашей истории – той истории, что научила нас создавать все более абстрактные формы „солидарности между чужими“»⁷.

² Актуальные вопросы глобализации. Круглый стол «МЭ и МО» // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 5. С. 41.

³ Добренев В.И., Кравченко А.И. Социология. Социальные институты и процессы: В 3 т. М. 2000. Т. 3. С. 122.

⁴ Тураев В.А. Глобальные вызовы человечеству. М., 2002. С. 5.

⁵ Хабермас Ю. Почему Европе нужна конституция? // Deutschland. 2001. № 6. С. 62.

⁶ Там же. С. 62.

⁷ Там же. С. 65.

Протестом против негативных последствий глобализации стало активизация антиглобалистского движения. Анализ показывает, что накопление недовольства и протестных настроений происходит на обоих полюсах глобального социального спектра – и в промышленно-развитых, и в развивающихся странах. Желание заставить «сильных мира сего» услышать голос «слабых» толкает людей, особенно молодежь, на радикальные действия.

Лидеры стран «восьмерки» еще при встрече на Окинаве в 2000 г. вынуждены были заявить: «Мы должны признать существование опасений, связанных с глобализацией...». Показательно, что на «Саммите тысячелетия», проходившем в рамках последней в XX в. сессии Генеральной ассамблеи ООН на уровне глав государств и правительств, проблемы глобализации оказались едва ли не главной темой. В Декларации саммита подчеркивается: главная задача, стоящая сегодня перед мировым сообществом, – обеспечить, чтобы глобализация стала позитивным фактором для всех народов мира⁸.

События последних лет вывели борьбу с терроризмом исключительно из области профессиональной компетенции спецслужб в область политических приоритетов. При этом многие, не ангажированные эксперты, анализируя причины разрастания терроризма по всему миру, обратились к нерешенным глобальным проблемам современности. Ответом мирового сообщества на вызов международного терроризма должна стать серьезная переоценка политики развития. «Надо заниматься лечением мира от бед, ведущих к терроризму. Треть населения планеты живет в ужасных условиях крайней нищеты... Запад должен самокритично сказать: мы тоже ошиблись. И мы виноваты в этом», – заметил известный в Европе итальянский аналитик Джульетто Кьеца⁹. Если Восток обманулся в своих ожиданиях широкой финансовой и гуманитарной поддержки, то и Запад обманулся в своих способностях обеспечить строительство новых процветающих демократий. Нужна политика, способная интегрировать в процесс глобализации человеческое и социальное измерение, обеспечить право всех народов на достойную жизнь, на культурную и цивилизационную самобытность.

Прошло уже не одно десятилетие как с тех пор, как был провозглашен «конец истории», но уже вполне очевидно, что история XXI столетия будет не менее бурной, чем история недавно минувшего. Давно назрел серьезный разговор о тех радикальных изменениях, которые претерпевает весь мир на заре нового века. Проблемы системной трансформации постсоветских государств и фундаментальная перестройка глобального сообщества как бы совместились во времени. В результате внимание постсоветских государств чрезмерно сосредоточилось на собственных бедах и противоречиях. Недооценка нового реального мира рубежа XXI века – прямой

⁸ Вебер А. Что стоит за так называемым антиглобализмом? // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12. С. 51.

⁹ Лит. газ. 2002 г. 3–9 апр. № 13. С. 4.

источник грубейших внешнеполитических просчетов и ошибок постсоветских стран.

В мире, по-видимому, происходит все же не столько интернационализация социального пространства и экономики, а прежде всего, унификация определенных правил игры, повсеместная информатизация, обеспечение прозрачности экономического пространства, установление мировой коммуникационной сети и т. д. Однако самое главное в другом – это находящаяся в становлении система глобального управления, во-первых, ресурсами планеты и перераспределением мирового дохода, а также и всей политической и экономической деятельностью на ней, в виде сложноподчиненной геополитической и геоэкономической конструкций. Понятно, что цели и методы подобной структуры не могут ограничиваться лишь хозяйственной сферой.

Сейчас, как мне представляется, назрела глубокая переоценка положения на планете, пересмотр базовых концепций и предлагавшихся ранее прогнозов и решений. «Новый мировой порядок» постепенно начинает восприниматься не столько как оптимистичная схема грядущего мироустройства, но скорее как постмодернистская идеализация ушедшего века. «Новые идеи», как это не странно звучит, незримо ведут в прошлое. Внимание специалистов в области стратегического планирования наряду с доминирующей всего несколько лет назад моделью исторического продолжительного североцентричного порядка (во главе с Соединенными Штатами) привлекает и новое поколение сценариев грядущего мироустройства. Среди них: вероятность контрнаступления мобилизационных проектов; господство восточных цивилизационных схем; перспективы развития глобального финансово-экономического кризиса с последующим кардинальным изменением основ современного миропорядка; будущая универсальная децентрализация международного сообщества.

Практика настоящим образом раз за разом возвращает человечество к поиску таких парадигмальных ориентаций в научном познании и практической деятельности, которые бы органично сочетались с антропологическим измерением глобального социального развития, с человеком в его единстве с социумом и природой. Находясь по существу на переломном этапе истории, когда вполне реально смена типа цивилизационного развития человечества, очень сложно предусмотреть последствия интенсивного роста научного знания и широкого использования современных достижений науки. Техногенная цивилизация порождает силы, которые подчас становятся неподвластными человеку, а сам человек нередко утрачивает статус смыслообразующей константы научных и социальных нововведений. Именно поэтому антропологический фактор в настоящее время рассматривается как один из определяющих векторов осознания необходимости устойчивого развития, безальтернативности подобного выбора.

Императив экологический неизбежно порождает императив нравственный, которому предстоит утвердиться в общественном сознании.

Будущность Человека, будущность биологического вида *homo sapiens* в решающей степени зависит от того, насколько глубоко и полно мы окажемся в состоянии понять и усвоить содержание нравственного императива, и насколько человек будет способен принять его и следовать ему, подчиняя свою индивидуальность определенной общественной необходимости. Почему именно мораль получает все более важное значение в наших стратегических расчетах? Потому что именно мораль, говоря словами Ф. Ницше, заботится «о сохранении индивида, общины, расы, государства, церкви, веры, культуры»¹⁰, а значит и является тем самым фундаментом, на котором базируется устойчивость любой общности.

Чтобы выжить и сохранить жизнь на Земле, человеку предстоит еще многое открыть и понять, но главное, пожалуй, – необходимо уже сейчас померить свой потребительский эгоизм, соотнести законы развития природы с собственной деятельностью, подняться до осмысления сущности принципов самоорганизации материального мира, к которому принадлежит и человеческое общество. Старая аргументация о том, что миллиард людей на земле голодает, миллиард страдает от болезней и нервно-психических расстройств, в том числе в результате агрессивных вторжений в духовную жизнь людей, увы, как это не печально звучит, мало, кого мобилизует. Идеи, на которых базируются нынешние цивилизации, и их реальное воплощение давно уже не совпадают. Не случайно отдельные исследователи говорят о том, что реальная система Запада уже давно не соответствует штампам, в которых ее описывает пропаганда, а наиболее реальный субъект – это одинокий, запуганный тип, ищущий спасения в иллюзиях. Современный человек становится все более «толстокожим», все менее чувствительным к чужому горю. Нужны новые аргументы, при помощи которых можно было бы влиять на мнение слишком оторвавшейся от народов мировой элиты.

В начале XXI в. есть все основания говорить о том, что человек становится все более оторванным от действительности, все более беспомощным перед реальностью и телеуправляемым. Бессилие человека предопределяет бессилие власти. Ясно, что такое положение губительно для национальных государств и национальных культур. Неудивительно, что новая повседневность стала средой обитания и формирования политики, вдохновляемой антиморалью, тотальным нигилизмом. А ведь основные пороки – это и есть нигилизм, это и есть антимораль, оттого они так разрушительны – алкоголизм, наркомания, преступность, терроризм. Конечно, проблемы человеческого развития гораздо глубже и сложнее того, что могут предложить сегодняшние типовые исследования. Дальнейший прогресс человечества связывается с реализацией в глобальных масштабах новых технологий. Технологические прорывы открывают новые перспективы в улучшении состояния здоровья и питания населения, расширении знаний, стимулировании экономического роста и возможностей людей в плане участия в общественной жизни.

¹⁰ Ницше Ф. Воля к власти (опыт переоценки всех ценностей). М., 1994. С. 107.

Однако бурное развитие науки и технологий, передовой экономики охватило лишь небольшое число государств, в которых проживает так называемый «золотой миллиард». «Пока глобализация идет по сценарию золотого миллиарда, подразумевающему, что благополучной и комфортной жизнью, по западному образцу, смогут жить не более миллиарда людей – на остальных ресурсах не хватит. Но в 2020 г. на земном шаре ожидается 10 млрд. жителей. Значит, только 10% населения Земли будет жить хорошо, а 90% – значительно беднее, к тому же они должны обеспечивать весь остальной мир ресурсами. Разве это справедливое мироустройство? 5% населения Земли, живущих в США, потребляют примерно 44-45% мировой энергии. Вместе со своими транснациональными корпорациями США дают около 2/3 всех отходов, загрязняющих среду. Если весь мир перейдет на уровень энергетического потребления среднего американца, планета превратится в свалку отходов, а разведанных и потребляемых энергоресурсов человечеству хватит всего на 15 лет»¹¹.

К началу XXI века многие страны вышли на новый уровень экономического и социального развития. Но говорить о том, что они тоже включились в процесс формирования постиндустриального общества, пока не приходится. Более того, есть основание думать, что нынешний разрыв будет сохраняться еще очень и очень долго.

С распадом СССР процесс глобализации обрел новые качественные признаки. Мир стал однополюсным, многие международные структуры, созданные в качестве противовесов в конкуренции двух супердержав в холодной войне, потеряли свою значимость. На постсоветском пространстве начался болезненный процесс системных изменений – явление, вызвавшее гигантские геополитические смещения. Надо признать, что новое равновесие мир обретет не скоро.

Сегодня мы уже можем отметить, что на постсоветском пространстве кардинально изменились политические и государственные системы, приняты новые конституции. Разумеется, степень демократичности установившегося строя в разных странах различна, она обусловлена как особенностями исторического развития, так и сложившейся социально-экономической и политической ситуацией, характеристикой управленческой элиты. Изменились экономические основы общества. К настоящему времени практически во всех новых государствах создана правовая база для развития рыночной экономики, хотя и государственный сектор продолжает играть важную роль. Произошла либерализация общественной среды, изменился общекультурный ландшафт, система ценностных ориентаций, социокультурных предпочтений различных социально-демографических групп населения в постсоветских странах. Произошли перемены в сфере духовных ценностей и приоритетов. Но от этих перемен мир не стал более устойчив. К тому же крайне сложно говорить об устойчивом развитии в социально несправедливом мире.

¹¹ Степин В.С. Ростки грядущего на нехоженых тропах / Общая газета № 9 от 28 февраля – 6 марта 2002 г. С. 15.

Не располагая достаточным потенциалом для структурной перестройки и не будучи полностью включенными, в процесс мировой интеграции, страны СНГ оказываются не в состоянии в короткие сроки и без помощи извне разрешить свои проблемы. А попытки самостоятельных действий, если они предпринимаются, то постоянно наталкиваются на противодействие со стороны блоковых государств, обрекая эти страны на роль аутсайдеров в мировом цивилизационном пространстве. Фактически перед каждой из этих стран стоит дилемма: либо прямое, весьма рискованное вхождение в мировое сообщество в качестве фактически неполноправных партнеров, либо опосредованное, более затяжное включение через механизмы совместной интеграции путем делегирования своих полномочий другому, скорее всего политическому субъекту.

Жизнь показывает, что у стран бывшего «социалистического содружества» нет иного выбора, как двигаться по пути интеграции. Общая линия, позволяющая разрешить противоречие прошлого, не воспроизводя негативных последствий, которые были характерны для отношений между бывшими республиками, состоит в том, чтобы, с одной стороны, сохранить реальные достижения технологического, экономического и социокультурного единства новых независимых государств, имевших место в прошлом, с другой, не менее важной стороны, – расширять и углублять сотрудничество на новой, открытой основе кооперации.

Интеграция предполагает сосуществование и конкуренцию альтернативных вариантов – не просто компромисс между сторонами, а оформление их интересов в новое качество развития. Человечество объективно и неуклонно продвигается ко все более тесному и всестороннему единству, однако далеко не безразлично для настоящего и будущего, к какому единству оно идет и каким путем. В этом сегодня состоит суть выбора, который осуществляется на постсоветском пространстве и который в перспективе способен преопределить и лицо западного мира, всего мироустройства XXI в.

К началу нового века биполярный мир уже прекратил свое существование, а угроза истощения природных ресурсов на планете усилилась. Естественно, у Запада не могло не возникнуть соблазна отбросить фиговый листок всемирного процветания и начать открыто перераспределять ресурсы в свою пользу. Что собственно сейчас и происходит в реальной политике ведущих стран Запада и США. Согласно концепции «золотого миллиарда» их новой идеологии, прогресс, желателен и осуществим лишь в пределах западного мира. На остальных территориях целенаправленно консервируется отсталость. Более того, стали появляться теории, где доказывается, что и в отставании может быть прогресс.

Да, мир все же задумался, как жить дальше. Вариантов развития много. Какой из них пробьет себе дорогу? Это зависит не в последнюю очередь от великих держав, от степени осознания грозящей опасности новой «интернационализации», а также от того, сумеют ли все государства вовремя осознать общую опасность и найти способ к объединению и координации усилий ради общего спасения.

В чем же причина столь драматического расхождения между расхожим набором социальных прогнозов и реальным развитием событий на планете Земля?

Глобализм как практическая политика наиболее влиятельных международных кругов набирает обороты. Через тысячи и тысячи каналов он внедряется в сознание человечества, реализуя марксистский тезис о том, что идея, овладевшая массой, становится материальной силой.

Для того, чтобы принять всю политику глобализма или какие-то отдельные ее положения или, напротив, отвергнуть целиком, нужно знать не столько ее излагаемую агитаторами доктрину, сколько точку зрения тех, кто непосредственно участвует в формировании идеологии и политики глобализма. Один из таких деятелей – Д. Сорос.

Первое, на что обращаешь внимание, знакомясь с его точкой зрения: он справедливо утверждает, что современный капитализм не свободен от недостатков и противоречий и что следует разобраться в этой системе и предпринять ряд действий, „чтобы эта система выжила”.

Закономерно, что появляются новые тенденции и идеи, которые рассматривают мировую капиталистическую систему как первую историческую форму глобального мироустройства. Однако недостатки классического капитализма делают неизбежными периодически возникающие разрушительные кризисы.

Каким же образом хотят подправить капитализм? Обещает ли это какие-то перспективы миллионным массам безголосых тружеников или вновь, используя демагогическую риторику, народы втянут в очередной тур массового обмана и эксплуатации?

Прежде всего Сорос внушает нам как бы очевидное: „Мы уже живем в системе глобальной экономики. Но здесь важно четко прояснить, что мы имеем в виду под этим термином. Глобальная экономика характеризуется не только свободным движением товаров и услуг, но, что более важно, свободным движением идей и капитала. Это относится и к непосредственным капиталовложениям, и к финансовым операциям. Хотя за время, прошедшее после второй мировой войны, роль тех и других постоянно возрастала. За последние несколько лет глобализация финансовых рынков достигла уровня, при котором движение валютных курсов, банковского процента и котировки акций в разных странах очень тесно между собой связаны. В этом смысле характер финансовых рынков за те сорок лет, которые я им посвятил, изменился до неузнаваемости. Таким образом, глобальную экономику, по сути, следует рассматривать как глобальную капиталистическую систему”¹².

Не вступая в полемику по поводу сказанного, следует обратить внимание на то, что здесь много условного и даже затушевывающего

¹² Сорос Дж. На пути к глобальному открытому обществу// Бел.независ.газ. 1998. 12 янв. С. 10.

реальность. Прежде всего, эта глобальная система состоит из неравноправных частей, и „свободное движение идей и капиталов” определяется не промыслом господним, а задачами поддержания этой системы в прежнем разделенном состоянии, причем расхождений между отдельными частями единого механизма более значительны, нежели между патрициями и плебеями.

Безусловно, в глобальной экономике легче манипулировать идеями и капиталами, поэтому так безапелляционен Сорос, упрощая реальное положение дел. „Глобальная интеграция принесла с собой неисчислимые блага: преимущество международного разделения труда, которое столь четко доказывает теория сравнительного превосходства; динамические преимущества, в т.ч. эффект масштаба и быстрое распространение нововведений в разных странах, которые в рамках теории статического равновесия доказать труднее, а также такие не менее важные блага внеэкономического порядка, как свобода выбора, обусловленная международным движением товаров, капитала и людских ресурсов, и свобода мысли, тесно связанная с международным движением идей”¹³.

Глобальная интеграция принесла с собой не только то, что перечисляет Д.Сорос, но и нечто другое: в мире растет нищета, духовная деградация и бесперспективность, стало реальностью столкновение цивилизаций в борьбе за мировое господство.

Разумеется, все эти положения сопровождается оговорками и даже подчеркивает расхождения с идеологами бесконтрольной экономики, утверждающими, что свободный рынок – это самодостаточный механизм и что эксцессы рынка сами собой исправятся, при условии, что правительства или регулирующие органы не будут вмешиваться в работу этого самодостаточного механизма.

Не вызывает вроде сомнений и отмеченные Д.Соросом недостатки глобальной капиталистической системы:

неравномерное распределение благ;
нестабильность финансовой системы;
возникающая угроза глобальных монополий и олигополий;
неоднозначная роль государства;
проблема ценностей и социального согласия.

Не заостряя внимания на полноте представленных недостатков, рассмотрим каждую позицию подробнее.

1. Блага глобального капитализма распределяются неравномерно. Вообще говоря, капитал оказывается в значительно лучшем положении, чем рабочая сила, потому что капитал более мобилен. Более того, финансовый капитал в глобальной системе имеет преимущество перед капиталом промышленным: когда завод построен, передвинуть его в другое место нелегко. Конечно, многонациональные корпорации отличаются гибкостью в расценке перевозок, кроме того, они имеют возможность

¹³ Там же. С. 10.

оказывать давление на заинтересованную сторону, когда принимают решения об инвестициях, но гибкость эта несравнима со свободой выбора, которой пользуются международные финансовые инвесторы. Есть преимущество и в том, чтобы находиться в центре глобальной экономики, а не на периферии. Все эти факторы способствуют привлечению капитала в финансовый центр и объясняют, почему масштабы и значение финансовых рынков постоянно растут.

2. По своей природе финансовые рынки нестабильны, в особенности международные финансовые рынки. Как известно, для международного движения капиталов характерно чередование бумов и спадов. В период бума капитал течет из центра на периферию, но когда инвесторы начинают сомневаться, капитал имеет тенденцию возвращаться к своим истокам. Я был свидетелем многих таких приливов и отливов, бумов и спадов, и, хотя прекрасно отдаю себе отчет в том, что международные финансовые рынки стали по характеру гораздо более организованными и проявляют гораздо большую сопротивляемость, я не поверю, что за текущим бумом не последует спад.

Риск краха значительно повышается из-за того, что наши теоретические объяснения работы финансового рынка отличаются основополагающими пороками. Экономическая теория была построена на иллюзорной идее равновесия. Мне равновесие представляется недостижимым, поскольку участники рынка пытаются учесть гипотетическое будущее, которое само формируется ожиданиями этого рынка.

Мне говорят, что экономическая теория ушла далеко вперед по пути к признанию и изучению ситуаций с нарушенным равновесием. И тем не менее идея бесконтрольной экономики, сводящаяся к тому, что рынки нужно предоставить самим себе, остается весьма влиятельной. Мне она кажется опасной. Нестабильность финансовых рынков может вызвать серьезные экономические и социальные нарушения.

Возникает вопрос: что нужно сделать, чтобы сохранить стабильность финансовой системы? На это нельзя дать абстрактный ответ, ибо каждая ситуация отличается от остальных. Финансовые рынки более уместно рассматривать как исторический процесс, а история никогда в точности не повторяется. Нельзя рассчитывать на то, что рынки сами исправят свои ошибки, потому что их поведение носит стихийный характер.

3. Цель конкурентов – победить, а не содействовать сохранению рыночной конкуренции. Естественную тенденцию к возникновению монополий и олигархий необходимо сдерживать путем регулирования. Процесс глобализации еще слишком молод, чтобы эта тенденция превратилась в серьезную проблему на глобальном уровне, но поскольку мы имеем дело с историческим процессом, со временем она таковой станет.

4. Чье же это дело – предотвращать чрезмерную концентрацию власти и охранять стабильность финансовых рынков? Этот вопрос приводит нас к роли государства. В период после второй мировой войны государство играет все более существенную роль в поддержании

экономической стабильности, оно стремится обеспечить равенство возможностей и предоставляет социальную страховочную сеть, особенно в развитых промышленных странах Европы и Северной Америки. Однако **возможности государства в обеспечении благосостояния своих граждан жестоко подрываются глобализацией капиталистической системы, позволяющей капиталу уходить от налогообложения с гораздо большей легкостью, нежели рабочей силе** (подчеркнуто мною – А.Д.). Капитал будет стремиться уйти из стран, где работодатели облагаются значительными налогами или где всерьез охраняется занятость населения, что приводит к росту безработицы. Именно это произошло в Западной Европе. Я не защищаю устаревшие европейские системы социального страхования – они нуждаются в срочных реформах. Но меня беспокоит сокращение социальных программ как в Европе, так и в Америке.

Это сравнительно новое явление и его последствия пока в полной мере не проявились. До последнего времени реальная доля государства в валовом национальном продукте промышленно развитых стран увеличивалась, почти удвоившись со времени второй мировой войны. Эта доля достигла пика в 1980-х годах и с тех пор практически остается на том же уровне. Правительства Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана начали программу сокращения роли государства в экономике. Вместо этого налоги на капитал были существенно снижены, тогда как налоги на рабочую силу постоянно росли. Как считает специалист по международной экономике Дани Родрик, глобализация повышает требования к государству в плане обеспечения социальной защиты, в то же время снижая его возможности в этой области. В этой ситуации заложены семена социального конфликта. Если социальная помощь будет урезана слишком жестоко, а нестабильность при этом будет увеличиваться, народное недовольство может привести к новой волне протекционизма как в Соединенных Штатах, так и в Европе, в особенности, если (когда) за текущим бумом последует сколько-нибудь значительный спад. Это может привести к краху глобальной капиталистической системы в точности, как это случилось в 1930-х гг. Снижение роли государства означает повышенную необходимость в международном сотрудничестве. Но такое сотрудничество противоречит господствующим идеям бесконтрольной экономики, с одной стороны, и национализму и фундаментализму, с другой.

Государство играет и еще одну роль в экономическом развитии: в странах с нехваткой местного капитала оно объединяется с местными деловыми кругами и помогает им накопить капитал. Разумеется, авторитарный режим более благоприятен для быстрого накопления капитала, нежели демократической, а процветающая страна в большей степени способна к развитию демократии, нежели нищая. Поэтому логично представить себе модель развития, которая движется от авторитарии и накопления капитала к процветанию и демократии. Однако переход от авторитарии к демократии вовсе не гарантируется автоматически: люди, стоящие у власти, всеми силами стремятся власть удержать.

Автократические режимы ослабляют себя, ограничивая свободу слова и допуская распространение коррупции. Экономические неурядицы и спады не создают благоприятных условий для развития демократических институтов.

5. Любому обществу необходимы какие-то общие ценности, которые бы обеспечивали внутреннее согласие. Рынки превращают все без исключения, в т.ч. человека (рабочую силу) и природу (землю) в товар. Можно говорить о рыночной экономике, но нельзя говорить о рыночном обществе. В дополнение к рынкам общество нуждается в институтах, которые будут служить таким социальным целям, как политическая свобода и социальная справедливость. Такие институты существуют в отдельных странах, но не в глобальном обществе. Развитие глобального общества отстает от роста глобальной экономики. Если этот разрыв не будет преодолен, глобальная капиталистическая система не сможет выжить.

Под глобальным обществом не следует понимать глобальное государство. Государства известны своими несовершенствами даже на национальном уровне. Чтобы сегодняшняя глобальная капиталистическая система могла выжить, она должна отвечать нуждам и надеждам участников.

Наше глобальное общество отличается самыми разнообразными обычаями, традициями, религиями. Где же оно может найти общие для всех ценности, которые станут основой для согласия? В качестве универсального принципа, который признает разнообразие, присущее нашему глобальному обществу, и при этом предлагает концептуальную основу для создания институтов, в которых мы нуждаемся, следует выдвинуть концепцию так называемого **открытого общества**. Я сознаю, что добиться принятия универсального принципа – задача очень нелегкая, но я не вижу, как мы можем без него обойтись.

Что такое открытое общество? Упрощенно, это способ описать положительные стороны демократии: максимальная степень свободы, совместимая с социальной справедливостью. Для открытого общества характерны власть законов, уважение к правам человека, к меньшинствам и к мнению меньшинства, разделение власти и рыночная экономика. Принципы открытого общества вовсе не самоочевидны, их нужно ввести, поддержав убедительными доводами.

При этом Д.Сорос сослался на эпистемологический довод в пользу открытого общества, выдвинутый Карлом Поппером: наше понимание по природе своей несовершенно, абсолютная истина, идеальная модель общества для нас недостижима. По этой причине мы должны удовлетвориться менее абсолютным вариантом, т.е. такой формой социальной организации, которая, **не будучи абсолютно совершенной, остается открытой для улучшений. В этом и заключается концепция открытого общества – это общество, открытое улучшениям.** Чем больше меняются условия (а глобальная экономика способствует переменам), тем большее значение приобретает эта идея.

Однако идея открытого общества не пользуется широким признанием. Напротив, она этот даже не подвергается серьезному анализу и порой безоговорочно отвергается. Некоторые утверждают, например, что в Азии – другая система ценностей. Разумеется, в Азии другие ценности. Но глобальное общество и характеризуется многообразием. Однако есть общечеловеческая черта, именуемая погрешимостью. Признав это, мы обретем общую почву для открытого общества, которое утверждает это многообразие.

Признание нашей погрешимости – необходимое, но не достаточное условие для внедрения концепции открытого общества. Его нужно сочетать с определенной долей альтруизма, с заботой о ближних, о людях, основанной на принципе взаимности.

Если будут уважаться универсальные ценности, отражающие нашу погрешимость и заботу о ближнем, в частности, свобода выражения и право на законный суд, то для открытого общества будут приемлемы любые варианты азиатских или каких-либо иных ценностей. Западная демократия – не единственная форма, которую может принять открытое общество. Более того, из вышеприведенного эпистемологического довода следует, что открытое общество должно принимать разнообразные формы. В этом и сила, и слабость этой идеи: она предоставляет концептуальные рамки, которые нужно заполнить конкретным содержанием. Каждое общество в каждый исторический период должно определить, каково это содержание.

Как концептуальная основа открытое общество лучше любой другой теории, в т.ч. лучше идеи идеальной конкуренции. Идеальная конкуренция предполагает уровень знания, недостижимый для участников рынка. Эта гипотеза описывает идеальный мир, мало похожий на действительность. Рынки действуют не в вакууме и вовсе не стремятся к равновесию...

Открытое общество – значительно более емкая концепция. Она признает достоинства рыночного механизма, при этом не идеализируя его, в то же время она признает важность и других, не только рыночных, общественных ценностей. Однако это и гораздо менее четкая, менее определенная концепция. Она не может научить, как следует разграничить политические, социальные и другие сферы и как их друг с другом гармонически согласовать. Существуют разные мнения относительно того, где следует провести разграничительную линию между конкуренцией и сотрудничеством»¹⁴.

В текущий исторический период «мы имеем дело с глобальной экономикой, которая страдает определенными недостатками, в числе которых: нестабильность финансовых рынков, асимметрия центра и периферии, сложность налогообложения капитала. К счастью, мы располагаем несколькими международными институтами, которые занимаются этими проблемами, но необходимо расширить их полномочия, а, возможно, и создать новые организации. Основной комитет по банковскому надзору установил нормы достаточного капитала для международной банковской

¹⁴ Там же. С. 10.

системы, но эти нормы не смогли предотвратить текущий банковский кризис в Юго-Восточной Азии. Не существует авторитетной международной организации, которая регулировала бы финансовые рынки; явно недостаточно осуществляется и международное сотрудничество по налогообложению капитала.

Однако подлинные изъяны находятся за пределами экономической сферы. Государство уже не в состоянии играть прежнюю роль. Во многих отношениях это благотворное изменение, однако какие-то из функций государства оказываются не выполненными. У нас нет адекватных международных институтов для защиты индивидуальных свобод и прав человека, для охраны окружающей среды и для обеспечения социальной справедливости, не говоря уже о защите мира. Большинство организаций, которые у нас имеются, – это объединения государств, а государства обычно ставят свои интересы выше общих интересов. ООН по своему уставу не имеет возможности выполнить обещания, содержащиеся в преамбуле ее хартии. Более того, нет и единого мнения насчет необходимости в более эффективных международных организациях.

Что делать? Мы должны внедрить определенные стандарты поведения, чтобы контролировать коррупцию, вводить справедливое трудовое законодательство и охранять права человека. Мы еще только начинаем поиски конкретных целей, ведущих к этой цели.

Что касается защиты мира и безопасности, либеральным демократиям во всем мире следует возглавить это движение и создать глобальную сеть международных блоков, которые будут действовать как при участии, так и без участия ООН. Примером такого блока является НАТО. Главной задачей таких блоков будет защита мира, однако они постоянно должны заботиться и о своевременном предотвращении конфликтов. **Все, что происходит внутри государства, может иметь последствия и для соседних стран и для мира в целом.** Пропаганда свободы и демократии в рамках этих блоков и в их окружении должна стать важной политической целью. Например, демократическая и процветающая Россия сможет внести гораздо более значительный вклад в сохранение мира в этом регионе, нежели любые миллиарды, потраченные на военные нужды странами-членами НАТО. Вмешательство во внутренние дела других стран сопряжено с осложнениями, **однако невмешательство может оказаться еще более опасным.**

Сегодня глобальная капиталистическая система бурно разрастается, как в смысле географии, так и в смысле интенсивности. Ее привлекательность обусловлена благами, которые она приносит. В то же время **она сурово наказывает страны, которые пытаются остаться в изоляции.** Сложившаяся ситуация не может длиться бесконечно, но пока она имеет место, она дает прекрасную возможность заложить основы глобального открытого общества.

С течением времени изъяны системы, вероятно, дадут о себе знать в ощутимых формах и **за бумом обязательно последует спад.** Но

опасности тотального краха можно избежать, если мы своевременно распознаем пороки системы. Несовершенства можно поправить. Условием выживания глобальной капиталистической системы является общество, которое постоянно стремится исправить ее недостатки, то есть глобальное открытое общество»¹⁵.

Что и говорить, западный мир, кажется, хочет всерьез учесть те пороки социально-политического развития, которые погубили СССР. Но это практически невозможно.

Сквозь демократическую риторику прочитанного просматривается ничем не прикрытое стремление осуществить конвергенцию власти в собственность. Для этого потребовалось сменить общественно-политический строй в бывшем СССР на такой, при котором и богатствами можно пользоваться и при этом власть не потерять. Для народа же была выдвинута идея, что необходимые демократические реформы никогда и не будут предприняты, если пытаться согласовывать их программу с другими республиками, более консервативными, чем Россия. Но при этом скромно умалчивалось, что никакой программы реформ вообще не существует. В этих условиях роль официального правительства страны сведена к функциям исполнения составленных ВМФ планов по либерализации экономики и поддержанию заданных параметров.

Дж. Сорос указывает на тот, давно уже очевидный факт, что **современное здание капитализма весьма неуютно и требует постоянных перестроек.** Но кто же из настоящих хозяев не знает: то, что требует постоянных перестроек, лучше всего заменить на то, что решает, по крайней мере, основные проблемы. Понятно, что у современных стратегов развития нет иных предложений, их устраивает старая система, но они хотят полностью господствовать в ней.

Идею гармонии и равновесия они считают иллюзорной и недостижимой, но в то же время признают, что „естественная тенденция” к гегемонии монополий и олигархии не может не восторжествовать. Короче, нас убеждают в том, что мы должны смириться с идеей несовершенства и даже жестокости мира – ради чего?

Дж. Сорос признает, что глобализация подрывает возможности государств по обеспечению хотя бы какого-то социального баланса: капитал уходит от налогообложения гораздо проще, чем рабочая сила. Но он уходит и из-под государственного контроля.

Он признает, что экономические неурядицы мешают развитию демократических институтов. Он признает и то, что рынок превращает в товар даже самые светлые идеалы национальной и социальной солидарности, без чего все рассыпается.

Что же нам предлагают? **Формально Сорос не предлагает всемирного государства с его иррациональным произволом, как у Оруэлла, но фактически он подталкивает именно к этому.**

¹⁵ Там же. С. 12.

Его анализ ситуации отвечает реалиям только чисто условно. Его утверждение о том, что нынешний глобализм только повторяет глобализм конца XIX века, якобы державшийся на мощи имперских держав, не отвечает действительности. В том-то и дело, что возникла принципиально иная ситуация, когда национальные государства не могут более определять свое собственное развитие и свою судьбу, – все это решается за их спиной.

В концепции **открытого общества** нет никаких научных основ, это сугубо условная, идеологическая конструкция, как мы уже это показали. Любой тоталитарист может сказать, что поскольку он не исключает изменений, он придерживается принципа открытого общества.

Сама природа делает все вещи „открытыми“ в том смысле, что ставит на них клеймо временности. Они стареют и видоизменяются, и объявлять этот естественный порядок главным принципом построения человеческой семьи кажется абсурдом или уловкой.

Нас убеждают, что глобальное общество не противоречит многообразию. Это тоже пропагандистский тезис, поскольку сущностью положения конкретного государства выступает его безоговорочная подчиненность какому-то незримому Демону. Кажется, все международное поле уже усеяно международными организациями, использующими любые потребности для своего бизнеса. Оказывается, нужны еще какие-то новые институты для международной защиты индивидуальных прав и свобод человека, что, таким образом, перечеркнуло бы напрочь идею национального государства и создало бы в каждом государстве статус экстерриториальности для любой сговорившейся группы, даже террористической по последствиям своей деятельности. Я уже не говорю о том, что у г-на Сороса не возникает даже желания поговорить о необходимости существования НАТО как атавизма двухполярного мира. Оказывается, НАТО полностью вписывается в теорию глобализма как полицейская сила. Д.Сорос выступая в Комитете Палаты представителей по иностранным делам в Вашингтоне. Если верить сообщениям печати, он заявил следующее: „В прошлом мир и стабильность обеспечивались либо имперской властью, либо балансом сил, либо тем и другим. Сегодня нет ни того, ни другого... Что же следует делать?... Я предлагаю объявить создание и сохранение свободных обществ одной из целей, а в случае сферы бывшего советского влияния – главной целью нашей внешней политики. Я провожу грань между сферой бывшего советского влияния и остальным миром потому, что советская система полностью разрушена и не может быть восстановлена. Но та система, что займет ее место, окажет глубочайшее влияние на ход истории, и тем самым на наше собственное будущее. В других регионах мира развитие свободных обществ является лишь одной из множества задач; в бывшем Советском Союзе это задача первостепенной важности. Я считаю, что даже ядерная проблема некоторым образом подчинена этой задаче.

Говоря об открытом обществе, я имею в виду такую форму организации, которая в широком смысле может быть определена как демократия. Однако концепция открытого общества на самом деле гораздо сложнее.

Она подразумевает не только демократически избранное правительство, но и общество, в котором не доминирует государство: сильное гражданское общество и верховенство закона. Правительству недостаточно быть избранным большинством населения; оно должно уважать права и мнение меньшинств. **Другими словами, я предлагаю заменить старое противопоставление коммунистических государств свободному миру противопоставлением закрытых обществ открытым**¹⁶.

Налицо попытка **восстановить конфронтационную схему, от которой только-только начали отходить народы**. Что это? Стремление к умиротворению или завуалированная попытка нового диктата?

Все эти умозрительные фигуры ничего общего не имеют с естественным международным правом и, кроме вреда, ничего не принесут миру. Можно и подобным путем оправдывать политику расползания НАТО на Восток. Но ускорит ли это политическая линия трансформационный процесс, увеличит ли шансы на его благоприятное завершение?

Как прямое покушение на национальный суверенитет следует рассматривать сорровский тезис о том, что „все, что происходит внутри государства”, включается в сферу регулирования наднациональной силой, и странам, „которые пытаются остаться в изоляции”, угрожают суровым наказанием.

В таком неоталитарном мире нет места никакой свободе и, стало быть, никакой науке. Президент Чешской Республики Вацлав Гавел, кстади говоря, пользующийся безупречной репутацией на Западе, настойчиво говорит о „высокомерии социальных инженеров”: „Один из многих принципов, которыми, по моему мнению, должно руководствоваться мировое сообщество – это максимальная степень уважения к демократически и свободно выраженной воле отдельных народов или государств. Каждый должен иметь неограниченное право решать свою судьбу, определять членство в международных ассоциациях, в которых состоит или хочет состоять. Чем больше международное сообщество будет уважать эту волю – при условии, что она не вредит законной воле других наций, – тем более стабильным будет мир. Последние несколько десятилетий, равно как и вся предыдущая история, дают достаточно доказательств того, что **насажденный порядок неминуемо терпит крах**. Крах искусственного порядка часто требует потерь, возможно, равных по цене тем, которые были заплачены при установлении этого порядка”¹⁷.

Основные противоречия нынешнего миропорядка сознают наиболее солидные аналитики. Но большинство из них предпочитает уклончивый язык намеков и иносказаний, словно боясь репрессий со стороны всемирных боссов и их беспощадной челяди. Другие, вроде бы проявляющие смелость, тоже не договаривают, кутая правду в туман общефилософских рассуждений.

Один из таких исследователей – Александр Неклесса, руководитель проекта Российского фонда фундаментальных исследований „Глобальное общество: изменение социальной парадигмы”.

¹⁶ Там же. С. 12.

¹⁷ Лэйн Д. Перемены в России: роль политической элиты. // Социс. 1996. № 4.

А.Неклесса считает, что в XXI веке мир подошел к некоему кардинальному рубежу, за которым история круто меняет свое русло. Доминирующая цивилизация достигла пика могущества, став глобальной, но она же – переживает настоящую духовную катастрофу. Христианская культура, живой источник данной „суперцивилизации“, последовательно уступает место новым реалиям, другим формам организации сознания.

Необходимость поддержания определенного стиля жизни, промышленной экспансии и массового характера производства лишь обостряет принципиальную аморальность *умножения искусственных потребностей* (в особенности престижного толка) у одной части человечества при невозможности удовлетворить *минимальные естественные* у другой¹⁸.

Вспомним, что в развивающихся странах проживает в настоящее время приблизительно 4/5 населения Земли и на их же долю приходится 94% его нынешнего прироста. В этих условиях перспектива универсальной реализации прав человека (равно как и прав народов) сталкивается с жесткой реальностью национального эгоизма, становясь по меньшей мере проблематичной. Проявляющаяся двойственность стандартов (наподобие той же двусмысленности миграционных процедур) не может, в свою очередь, не сказаться на внутренней целостности здания современной демократии, подрывая веру в ее краеугольные принципы, рождая законные сомнения в том, что объятия Свободы открыты всем без исключения.

Что же в таком случае происходит на планете и куда ведет обозначившийся ход событий? Развеивающийся дым глобальной иллюзии вселенского единства и верховенства разума (столь характерной для оптимизма конца 80-х) в 90-е годы, кажется, обнажает весьма неприглядную действительность. Возрожденческо-просвещенческая версия гуманизма оставалась цветущим деревом, пока развивалась в определенном контексте. Но только сейчас, на пороге предельно секулярного, постхристианского мира ее дальние горизонты обнаруживают себя парадоксальнейшим образом: *гуманизм* начинает проявляться как *антигуманное* мировоззрение.

В пользу подобной точки зрения свидетельствует постепенная деградация столь же популярной, сколь и неопределенной концепции *устойчивого* развития. Интеллектуальная уплощенность и духовное убожество нынешнего состояния одного из основных постулатов актуальной мировой идеологии наглядно проявились в метаморфозах данной концепции. Ее содержание на практике свелось к утилитарному пакету слабо завуалированных предложений о стабилизации положения посредством „коррекции“ численности населения планеты. Коррекции, проводимой с целью сохранить привычный уровень комфорта, *соответствующий современным стандартам и достоинству человека*.

Меры эти между тем начинают все больше походить на планы универсального геноцида бедняков, лишних людей (и нерожденных) как своеобразного *окончательного решения* демографического вопроса.

¹⁸ Неклесса А. Конец цивилизации или зигзаг истории // Знамя. 1998. № 1. С. 167.

Подобная коллизия подозрительно напоминает сюжет одной английской баллады о добродетельном и рачительном епископе, пригласившем на пир нищих и калек да и очистившем от „нахлебников” и изгоев землю, сжегши их.

Помимо биосферных неурядиц, серьезное нестроение на планете – проблема *бедности*. Поразительно, но с развитием и усложнением экономики разрыв между Севером и Югом не уменьшается, а растет. В некоторых же районах мира наблюдается процесс прямой деградации общества, сопровождающийся абсолютным ухудшением условий жизни. Складывается ситуация, когда история двух социальных полюсов движется как бы в противоположных направлениях.

Следующая драматическая коллизия – развитие в недрах *современной экономики* колоссального потенциала чисто спекулятивных и даже деструктивных тенденций... Сейчас возникают формы экономической жизни, которые либо не существовали ранее, либо занимали в прежней реальности маргинальные позиции или были попросту исключены из легального контекста. Это прежде всего разнообразные флуктуации финансовой неэкономии, а также выстраивание комплексной, изощренной „индустрии порока”, получающей доход за счет тех или иных форм „взлома” цивилизации.

Христианское общество с определенным подозрением относилось к денежному обращению, особенно к ссудному проценту, который был прямо запрещен в Библии. Доминирующей формой деятельности в эпоху Нового времени стала конструктивная, индустриальная экономика, по отношению к которой финансовая носила все-таки дополнительный характер. А сейчас наблюдается совершенно иная картина – виртуальная *финансовая неэкономия* существенно перехлестывает объемы экономики реальной и начинает ее „проедать”.

В ряде ситуаций промышленное производство, являясь заложником финансовых обстоятельств, постепенно переходит под „косвенное управление” банковских и финансовых групп, достаточно своеобразно понимающих смысл хозяйственной деятельности, обладающих собственным экономическим менталитетом и целеполаганием. Параллельно происходит нечто вроде плавной девальвации прав отдельного собственника на свободное распоряжение имуществом, имеет место как бы расщепление властных полномочий между ним и кредитно-финансовым оператором. При этом финансовая неэкономия все больше концентрирует в своей сфере энергию цивилизации, ее интеллектуальные, творческие потенции, научно-технические и материальные ресурсы. В результате, если сейчас, в конце XX века произвести тщательный анализ внутреннего содержания валового продукта мира, структуры глобального долга, совокупного объема разнообразных финансовых операций, а затем попытаться соотнести между собой выявленные параметры „номинальной” и „реальной” активности, то, не исключено, получится нечто аналогичное алармистскому докладу Медоузов о пределах роста, но уже в финансово-экономической области...

С другой стороны, в условиях моральной коррупции происходит эксплуатация механизмов сверхпотребления, не сбалансированного превосходящим или хотя бы адекватным по объему конструктивным производством. Эдакий „авто-колониализм” расхищения и проедания ресурсов, созданных человечеством и принадлежащих не только настоящим, но и, как это ни тривиально прозвучит, – будущим поколениям жителей Земли. К категории „экономического инцеста” можно отнести также своеобразную индустриализацию ряда криминальных и прямо деструктивных способов извлечения прибыли.

Это прежде всего поставленные на поток производство и распространение наркотиков, рэкет и „коммерческий терроризм”, казнокрадство и взяточничество, хищения и скупка краденого, контрабанда, включая нелегальный оружейный бизнес, и захоронение высокотоксичных отходов, биржевые и компьютерные аферы, торговля людьми и их органами, нелегальная иммиграция и сопутствующая ей теневая сверхэксплуатация, производство и распространение фальшивых денег, перекачивание и отмывание грязных денег и т.д. Симптоматично, что некоторые из видов деятельности, в сущности той же природы (откровенные финансовые спекуляции, игорный бизнес, массовая реклама престижного потребления, распространение порнографии и некоторые другие виды „индустрии порока”), расположены в легальной сфере, а их коммерческий результат *включается в подсчет ВВП соответствующей страны.*

Эффект от разрастания, усложнения и диверсификации подобного извращенного паразитического „базиса” начинает все сильнее сказываться на „большом социуме”, подрывая его конструктивный характер, вызывая многочисленные моральные и материальные деформации, ведя к внутреннему перерождению общества. Одновременно в результате воздействия тех же деструктивных процессов и тенденций на „обочине цивилизации” зреет новая и весьма непривычная форма социальной организации»¹⁹.

XX век уже был свидетелем взлета и падения мировых квазирелигий и даже частичного воплощения порожденных ими утопий. Теперь не менее драматично развивается форсированная реализация либерального проекта, являющегося, в определенном смысле, наряду с коммунизмом и нацизмом третьей светской квазирелигией века сего. И мы лишь у истоков новой мировой конструкции.

Глобализация социального ландшафта не привела к его унификации. Утопичным в конечном итоге оказался не только всемирный коммунистический проект, но и эгалитарный образ „глобальной деревни”.

Национальные границы если и утрачивают былую актуальность, то, размываясь, исчезают отнюдь не универсальным образом и не в планетарном масштабе. Процесс носит „послойный”, достаточно иерархичный характер. Иначе говоря, границы становятся прозрачнее для путешествен-

¹⁹ Там же. С. 166-167.

ников Севера, но более проблематичными для мигрантов Юга. Мировое гражданство, еще не родившись, оказалось ранжированным на классы. «Структура глобального сообщества все теснее связывается с геоэкономическим размежеванием мира, формированием социально и культурно однородных „больших пространств”. В результате на месте прежней национально-государственной схемы членения человеческого универсума прорисовывается иная (причем потенциально не менее жесткая) система „социальных регионов”, социально-региональных рубежей.

Распространение доминирующей цивилизации определило наступление момента истины для культур и регионов, оказавшихся на историческом распутье и вынужденных либо подчиниться господствующей тенденции (найдя в ее рамках место под солнцем), либо попытаться предложить собственный оригинальный ответ на вызов времени и обстоятельств. Предпочтение, отдаваемое активной или пассивной стратегии, во многом предопределило появление феномена тихоокеанской революции у одной группы государств и сумятицу *потерянного десятилетия* для ряда других членов мирового сообщества.

Глобализация, как видим, не ведет автоматически к развитию планетарной демократии. Действительно, в пределах национальных государств модернизация содействовала становлению демократии и развитию гражданского общества. Однако на просторах мировой политики дела обстоят уже несколько иным образом.

Современная глобальная архитектура явно строится по другим, нежели демократия, меркам. Так и остался манящим миражем – не сформировавшись ни как политическая реальность, ни даже как отдаленный проект – образ универсального парламента людей, наделенных равным правом голоса. Напротив, на деле скорее происходит определенное умаление, падение авторитета и влияния широких политических форумов при параллельном усилении более узких, элитарных сообществ.

Снижается в настоящее время вес ООН, ряд прерогатив которой фактически переходит к совещаниям „большой семерки”. А на европейском континенте представительная в региональном масштабе и придерживающаяся принципа равноправного членства ОБСЕ явно оттесняется от реальной политики гораздо более замкнутыми структурами НАТО, выстраивающими собственную композицию отношений с окружающим миром.

Происходит перераспределение властных полномочий от политических структур к экономическим центрам силы (наподобие МВФ или Мирового банка). Тут коррозия демократических институтов проявляется уже гораздо отчетливее. *Демократия как власть* людей уступает место новой форме правления в экономическом мире: *неодемократии как власти денег*, манифестацией которой является привычный в рамках подобных организаций принцип принятия решений: один доллар – один голос. Однако эта „малость”, если вдуматься, содержит в себе глубочайший смысл, являясь, по сути, зачатком новой политической парадигмы.

На ее основе в мире под прикрытием демократической фразеологии прочерчивается контур международного олигархического режима, предпочитающего действовать преимущественно с позиции силы, но используя адекватные времени средства. „Родимые пятна” подобного миропорядка зримо проявляются в североцентричной архитектуре социального космоса и иерархичности его многоярусной конструкции, в очевидном различии возможностей Севера и Юга защищать собственное видение реальности, свое понимание сути стоящих перед ними проблем...

Речь тут идет именно о неравноправии влияния на общественную перспективу и принимаемые международным обществом решения, а не о социально-экономическом *состоянии* его членов, т.е. об органичной недемократичности глобального универсума, его, если так можно выразиться, *сословности*»²⁰.

«Итак, унификации мира не произошло. И все-таки на планете явно формируется некий самостоятельный транснациональный космос. Трансформация жизни ведет к становлению принципиально новой социальной среды, закладывая основы весьма либерального, но (сколь странным это ни покажется на первый взгляд) все же не вполне *демократического* сообщества.

Действительно, глобализация социального пространства заметно снижает возможности национальных государств (т.е., в идеале, общенародно избранных правительств) действенно влиять на те или иные тенденции и явления, особенно в сфере неправительственных транснациональных институтов. Происходит как бы плавная „приватизация социума”.

Фактическими субъектами новой структуры международных связей, наряду с традиционными членами – национальными государствами, становятся „государства виртуальные”: разнообразные, достаточно автономные от национального контроля межгосударственные организмы и международные неправительственные организации, ТНК, банковско-финансовые сети и т. п. (Параллельно складываются устойчивые трансрегиональные проекты криминальных консорциумов, а также иные эклектичные объединения невнятного генезиса.) В общем и целом феномен этот никак нельзя счесть однозначным.

Казалось бы, возможности и права граждан, освобожденные в конце концов от разнообразных форм „опеки” и контроля государства, заметно возрастают. Однако, если вдуматься, процесс этот в чем-то прямо противоположен движению к глобальному открытому обществу, стремлению обеспечить повсеместную прозрачность социальных институтов. **Так, реальная, а не декларативная власть, будучи выведена за пределы публичной политики, зачастую оказывается обезличенной (а то и просто анонимной) и, следовательно, неподконтрольной гражданам.**

В качестве действенных центров силы все чаще выступают разнообразные неформальные (порой весьма нетривиальные) конфигурации частного капитала, слабо поддающиеся общественному контролю

²⁰ Там же. С. 169-170.

и формирующие на планете собственный „экономический Интернет“. Экономика становится не просто способом хозяйствования, но и политикой, и даже идеологией нового мира. Реально складывающийся мировой порядок все более проявляет себя как **Pax Economiana**.

Меняется содержание современных силовых игр, нацеленных уже не на территориальные приобретения и даже не на завоевание хозяйственного потенциала соперника, но на устойчивое изменение социально-политической и экономической конфигурации мира, утверждение в нем такого типа разделения труда, который обеспечивал бы доступ к определенным преимуществам и видам деятельности. Или отказ в таковом.

Мировые центры силы, включая транснациональные структуры, создают новое поколение рычагов воздействия, позволяющих планомерно и эффективно влиять на обстоятельства, складывающиеся внутри той или иной страны, либо группы стран. Случается, что и вопреки воле местного населения.

Механизм глобальной экономики мог быть реализован лишь с появлением определенной технологической базы, прежде всего – революций в сфере информатики и коммуникаций. Информационные технологии между тем превратились в самостоятельную, динамично развивающуюся отрасль, особенно в области финансов, но и не только там.

Резко увеличивается потенциал влияния традиционных и тем более качественно обновленных СМИ, формирующих собственный „субъективный мир“. Этот *медиакосмос* в значительной мере автономен от мира реального, как бы параллелен ему. К тому же плоды познания, добытые человечеством, и „информационная реальность“ (нередко представляющая мифологизированный слепок общества) отнюдь не тождественные понятия, и нам сейчас, наверное, даже трудно вообразить, насколько далеко они могут быть разведены.

Новый уровень возможностей СМИ стимулируется также наметившимся синтезом шоу-бизнеса, технологий рекламы и публичной политики...

Глобализация информационного пространства, его выход за пределы государственного и общественного контроля демонстрирует неведомые ранее возможности прямого общения и открытой манифестации индивидом разнообразных взглядов и устремлений. Но в том же феномене скрыт потенциал интенсивного, массового воздействия на мысли и эмоции населения планеты, распространения стереотипов поведения, утверждения социальных норм. Возможности эти обращают информационное поле то в глобальный форум, то в лабиринт контактов и развлечений, в источник знаний или страну грез, многократно мультиплицированную и профанированную „землю обетованную“... Они таят в себе системный, кумулятивный эффект, доступный экономически состоятельным источникам влияния.

Глобализация и демократизация, повторюсь, отнюдь не две стороны одного процесса, как полагают многие. Глобализация и сопутствующая ей модернизация, действительно устраняя одни препоны демократии, одновременно порождают новые, во многом неопознанные еще угрозы.

Ярким, хотя и частным, подтверждением подобного положения является тщетность и ничтожность результатов вроде бы многочисленных усилий по установлению нового экологического порядка. Несмотря на обилие представительных форумов и принимаемых громких деклараций, Юг просто не в состоянии утвердить как действующую норму такой тип международных отношений, который обеспечивал бы ему справедливую долю горной и биосферной ренты.

Ранее уже потерпели стратегическую неудачу, оставшись на уровне общих фраз, широко обсуждавшиеся схемы коррекции международного экономического порядка (включая такие его специфические реалии, как пресловутые „ножницы цен”), имевшие целью обеспечить более справедливое распределение мирового дохода.

Более того. Обозначившиеся пределы роста индустриальной цивилизации, угроза постепенного снижения привычных социальных стандартов существенно и порой весьма красноречиво меняют направление поиска ответа на поставленный историей вопрос о горизонтах общества Модерна, о его способности сохранить свои высокие принципы и идеалы.

Реакция данного общества на обозначившуюся угрозу (от алармизма до эскапизма) болезненна, негативна и, пожалуй, неадекватна поверхностно прочитанной ситуации. Дело тут, по-видимому, не только в обостренной реакции изнеженного организма на внезапную опасность дискомфорта. Нет, здесь чудятся некие метафизические глубины вырвавшегося на поверхность страха.

...Связано это с присущей менталитету людей Нового времени органичной **верой в роль экономического процветания как гаранта человеческой свободы**. Границы мирского благополучия оказались подспудно отождествлены с мерой этой свободы. А развитие личности, ее статус – напрямую соотнесены с экономическим успехом. Поэтому-то угроза достигнутым стандартам процветания воспринимается как покушение на отвоеванное пространство, **как размывание континента свободы окружающими его темными водами архаики**.

Ergo: опасность краха основополагающих ценностей существует, и она должна быть предотвращена любой ценой. С этого момента либерализм начинает претерпевать знаменательные метаморфозы и, распечатывая свои консервативные и радикальные потенции, утрачивать, казалось бы, органично присущую ему толерантность.

Ирония истории заключается в том, что граница, жестко разделявшая в прошлом западное общество и мир иных культур, оказалась размытой именно в результате глобального успеха процессов секуляризации и модернизации. В образовавшихся прорехах забрезжил образ то ли всемирного единения, то ли новой деспотии»²¹.

Торжество Нового времени, всемирная экспансия модернизации, а соответственно, и связанных с ней институтов: национального государства, частной собственности и – демократии, сопровождались подавлением

²¹ Там же. С. 167.

осколков традиционного общества с его сословными и авторитарными структурами.

<...>

В 90-е годы различные авторитеты от Збигнева Бжезинского до Сэмюэля Хантингтона, от папы Иоанна Павла II до современного „алхимика“ Джорджа Сороса заговорили о наступлении периода глобальной смуты, о грядущем столкновении цивилизаций, о движении мира к новому тоталитаризму или неосредневековью, о реальной угрозе демократии со стороны неограниченного в своем „беспределе“ либерализма и рыночной стихии...

Идет глубокая переоценка ситуации, складывающейся на планете, пересмотр актуальных по сей день концептов и предлагавшихся ранее прогнозов, их ревизия в русле неклассических, радикальных, эсхатологических, фундаменталистских и принципиально новых мировоззренческих позиций.

Рассматриваются сценарии контрнаступления мобилизационных проектов, господства постхристианских и восточных цивилизационных моделей, изучаются перспективы грядущей универсальной децентрализации либо геоэкономической реструктуризации мирового сообщества.

Зримо проявилась вероятность глобальной альтернативы цивилизационному процессу – выхода на поверхность и легитимации „мирового андеграунда“, возможность распечатывания запретных кодов мира антиистории, освобождения социального хаоса, последовательной деградации человека и неоархаизации общества.

Свобода – трудный дар, ее удержание скорее есть мера развития личности, чем проблема индивидуальных прав. Гражданское общество, отделенное от общества духовного, склонно к апостасии и торжеству своеволия как меры освобождения страстей. Творческий дар, естественно сопутствующий свободе, способен вложить в руки страстных натур могучие, изощренные инструменты, служащие, в конечном итоге, еще большему закабалению индивида.

Таким образом, достигнув пика бытия, человечество обнаружило *по ту его сторону* крутой скат и внизу – контуры нового, странного Мира Постмодерна, ломающего горизонт истории. Волна новой цивилизации, распространяющаяся по планете, растворяет привычный социальный контекст. Вектор истории не застыл, но расщепился. Общая история, понимаемая как совместная судьба и устремленность людей, уходит в песок разбитого на мириады осколков лика времени. На месте же расколотого образа возникает безликий, но яркий коллаж культур и изощренный лабиринт индивидуальных проектов.

В новой социальной среде водоворот анонимной власти постепенно устраняет „конструктивизм“ общественных институтов. Уводя человека в мир игры и иллюзии, он все более умаляет *реальные* потенции контроля над *действительными* событиями, сужает саму возможность их распознавания»²².

²² Там же. С. 170-171.

Иногда кажется, что люди чуть ли не всех времен и народов, даже прозябая в полном историческом вакууме, в глубине души полагали: именно их эпоха – уникальна и необычна. И лишь серьезно разочаровавшись в настоящем, *поверив в будни*, создавали поражающие воображение сказания о легендарных временах либо недостижимых местах, воплощая гложущую сердце Утопию. Однако сейчас степень „удивительности” века настоящего начинает, судя по всему, превосходить все мыслимые ожидания.

«Чем же таким особенным отличалось христианское общество от предшествовавшего ему традиционного? Откуда взялись поразительные творческие возможности, позволившие за сравнительно недолгий исторический срок полностью преобразовать стиль жизни человека и облик планеты? А разница, в сущности, заключалась в том, что в мире возникла свободная человеческая личность. Свободная от „дурной бесконечности” бытия, разложенного по полочкам, и норм поведения, расписанных до мелочей.

В традиционном обществе человек фактически не обладает личностью и свободой, его бытие регламентировано, его действия как бы заранее predeterminedены, поэтому и течение времени иллюзорно. С утверждением же в мире христианского мировоззрения появилось понятие ультимативной человеческой свободы, резко раздвинулся горизонт истории, мир людей ощутил смысл и вкус *движения времени*.

Но одновременно появляется и возможность злоупотребления свободой, возникает горизонт „второго грехопадения” как альтернативного конца истории. Человек рискует потеряться в прелести своего могущества, став на поверку тенью собственного бытия. Так же, как и сама свобода способна деградировать до эгоистического своеволия, универсального *беспредела*.

Отсчет времени современной эпохи начинается где-то с периода разделения Церквей, обособления европейского Востока и Запада, крестовых походов, географических открытий... В недрах западноевропейской культуры постепенно зреет „алхимическое зерно” – **идеология гуманизма, которая несет идею гегемонии светского общества** (а в конечном счете и идею атеизма), поскольку человек, а не Бог становится умозрительным центром вселенной.

Гуманизм реализует свое содержание в ряде достаточно противоречивых явлений: в процессах секуляризации, индивидуализме, развитии искусств, науки и техники... Человек, осознав в какой-то момент, что „знание – это сила”, почувствовал себя хозяином мира. В итоге произошел мощный социальный и интеллектуальный взрыв, выброс колоссальной творческой энергии, позволившей построить современное нам богатое и технически развитое общество, реализовав для части населения планеты своеобразный „позолоченный век”. А затем случилось то, что случилось.

Успех процесса покорения природы постепенно начал оборачиваться неприглядной, „обратной” стороной: внутренним покорением человека природой, тотальной материализацией его бытия и устремлений. Вот на этом-то мелководье (я имею в виду вымывание христианского сознания,

его перманентное обмирщение) зародились и пышно разрослись упоминавшиеся выше „великие идеологии” XX века.

Здесь же, по-видимому, кроются и темные истоки глубинной трансмутации современного мира, генезиса экономизма как главенствующей идеологии времени. Подобная форма сознания утверждается в роли своеобразной псевдорелигии, возрожденного культа золотого тельца, а универсализируясь, вовлекает в сферу своего действия и разноликие модернизированные сообщества, тщится охватить буквально все сферы человеческого бытия.

Мир христианской культуры рассекают два глубоких шрама. Во-первых, *схизма*: раскол на западноевропейскую констелляцию и мир восточного христианства. Во-вторых, – галактика „большого Модерна” состоит из двух самостоятельных сегментов: эпохи *Средневековья* (весьма спорны границы этого периода) и эпохи *Нового времени* (собственно „модерна”). Хотя существует и более распространенное прочтение истории: *средневековье, ренессанс, реформация, просвещение...*

Более-менее общепринятое понимание Нового времени относит его начало приблизительно к XVI–XVII веку, именно в этот период утверждаются привычный для нас образ мироустройства, стиль мышления, система властных отношений, способ организации хозяйственной жизни. Европейская, христианская цивилизация, переплавленная в тигле Нового времени, создала целостную систему общественных механизмов: политических, экономических, идеологических, хорошо приспособленных к ее духовному своеобразию, целям и культурным горизонтам.

Но в глубине всей этой гигантской конструкции постепенно прорастало зерно антропоцентризма, несущее в себе зародыш иного мира, в котором индивид властен претендовать на полную суверенность и персональный космос, выпуская в мир, словно джинна из бутылки, буйство воли и зачатки войны всех против всех. А тяга к *универсальному единству вещей* начала вырождаться в искусственную *тотальность*, реализуемую посредством той или иной формы насилия. В итоге XX век стал временем каскада социальных революций, давая жизнь предрассветным утопиям и химерам заката.

Национально-государственный тип международных отношений, демократическая форма управления обществом, индустриальная экономика и даже такой ее, казалось бы, нерушимый ингредиент, как частная собственность, – все эти институты переживают сейчас глубокий кризис, порождая нечто качественно иное. Их время подошло к своему логическому концу, запас прочности исчерпался. Начала прорисовываться какая-то новая историческая перспектива.

< ... >

Процесс мутации общества Модерна – его *дехристианизация* – радикально меняет культурно-историческую перспективу. Одним из наиболее существенных феноменов последних лет (наряду с трансформацией самого постхристианского ареала) является интенсивная перестройка того „внешнего пространства” цивилизации Нового времени, которое мы до не-

давнего времени привычно называли **Третий мир**. Это пестрое сообщество – конгломерат самых разных традиционных культур. Впрочем, сразу оговорюсь, и не совсем уже традиционных: скорее, культур *модернизированных*, но модернизированных все же на основе совсем иного культурного текста, чем европейский концерт. И вот на пороге XXI века, на просторах данного совокупного оппонента западного мира начинают разворачиваться весьма примечательные и не менее драматичные процессы.

Теперь уже сам Третий мир распался на несколько структурных зон, обретя собственный Север и Юг. Это прежде всего **Новый Восток** – сформировавшееся в районе Большого тихоокеанского кольца *второе индустриальное пространство* (в каком-то смысле пришедшее на смену „коммунистической цивилизации“, заполняя образовавшийся с ее распадом биполярный вакуум). И другой, еще более своеобразный мир – трансрегиональный „архипелаг“ территорий, по тем или иным причинам переживающих деградацию и даже коллапс современных общественных институтов (назовем его **глубокий Юг**).

Посттрадиционные образования постепенно сливаются с гиперсветским социальным и культурным контекстом западного постмодерна, проникают в него, образуя нечто единое, целое, качественно иное, что вполне можно считать новой цивилизационной средой, основой и „бульоном“ Нового мира.

Определение „Третий мир“, как правило, трактуется в рамках некоей иерархии: Первый мир – наверху, Второй где-то посередине, Третий – внизу. Либо как некое промежуточное пространство между „капиталистическим Западом“ и „коммунистическим Востоком“...

< ... >

Время, однако, по-своему расставляет игроков на планете, переиначивая мозаику человеческого сообщества. Теперь, на рубеже XXI века, после стратегического поражения коммунизма именно „Новый Третий Мир“, кажется, становится главным совокупным оппонентом западной цивилизации. И как знать – быть может, в будущем веке процессу *ориентализации* суждено сменить *модернизацию* в качестве господствующей тенденции времени. Недаром столь широкое распространение получают тезисы об „исламской угрозе“, „экспансии конфуцианского мира“. Действительно, формирующийся в пределах Большого тихоокеанского кольца мир начинает претендовать на роль альтернативного цивилизационного центра в новой, постмодернистской версии истории.

< ... >

Таким образом, вместо первоначального проекта гармоничного расширения соборной Ойкумены на планете (при молчаливом признании большинством сторон примата ценностей мира сего) было построено подобие иерархичной, многоступенчатой башни – здание современной *синтетической цивилизации*, изъясняющейся по-прежнему с позиции силы, но уже на языке рыночной экономики.

Порожденный кризисом идентичности – на этот раз самого человека Нового времени, – эклектичный экономический универсум равно безразличен к культурным ценностям и основополагающим постулатам включенных в его орбиту сообществ. И он же полагает себя квинтэссенцией истории! Уверенно претендуя на обладание новым универсальным языком, объединяющим мысли и действия миллиардов жителей планеты, этот колосс может, однако, оказаться подобием безъязыкого Голема и в одночасье погрести под своими обломками могучую цивилизацию...».²³

Будущее информационное сообщество рискует обернуться не идиллической „глобальной деревней“, а достаточно нестабильной, в чем-то иллюзорной конструкцией – реальностью, так сказать, „организованного хаоса“ (что вполне вписывается в органичный скептицизм либерализма по отношению к „большим смыслам“). Проклевывающийся на свет виртуальный мир, – если уж вглядываться в стратегические горизонты будущего, – является не только информационной реальностью, но и полигоном оригинальной *постсоциальной* конструкции: **сверхоткрытого общества**. (Или, как это образно звучит на современном русском языке, общества „беспредельного“.) В ходе данной революции рождается новый принцип организации реальности, специфика коего заключена в перманентном балансировании людей и мира на грани хаоса, построении жизни „на разрыв аорты“. Обретая неведомую ранее свободу, „экзистенциальный человек“ выпускает на волю стихии, чью природу не вполне понимает. Но которые вряд ли потом сможет уверенно контролировать и тем более вернуть в небытие.

Это едва ли не в первую очередь сказывается на становом хребте нового универсума – экономике. В подобной децентрализованной, транснациональной среде прекрасно себя чувствует ее тень – *экзистенциальная* (виртуальная) неозкономика, близкая принципам казино-капитализма. В результате ряд видов современной финансовой деятельности (наподобие управления рисками или рециклизации долга) все более превращаются в своего рода постэкономику, становясь откровенной пародией на хозяйственный механизм Нового времени. Они могут содержать в себе все и ничего: ничего не сдается, однако растут капиталовложения, поступает прибыль. Формальная сторона отделяется от сущностной, оказываясь не только самостоятельной, но и более *актуальной* реальностью. Но ведь это же не что иное, как род игры! Конечно, игры своеобразной, сложной, опасной. Игры, которая сохранит серьезный характер до той поры, пока у нее будет существовать реальный экономический подтекст, пока не израсходуется накопленный цивилизацией хозяйственный ресурс. И когда он будет растрачен, – „большая игра“ превратится в административную головоломку, неотличимую от других знакомых нам игр... Она станет бессмысленной, но к тому моменту, видимо, будет уже ритуализована.

²³ Там же. С. 172-176.

Во-вторых, параллельно „строительству виртуальных миров” открывается какое-то новое и, надо сказать, весьма двусмысленное прочтение понятия постиндустриализма. В будущем веке значительному числу людей, возможно, предстоит вплотную соприкоснуться с открытыми формами социального распада – возрожденной неоархаикой, – что, естественно, радикально отразится на стиле жизни. Например, если в тех или иных регионах окажется невозможным поддержание прежнего уровня потребления и промышленного производства. А это в свою очередь означает, что на части планеты будет создано общество не столько *постиндустриальное*, сколько *де-индустриальное*.

< ... >

Феномен глубокого Юга (а равно и квази-Севера) расплзается по планете. Этот „опрокинутый социум” становится генератором нетривиальной политики и экономики, идеологии и культуры, оказывая мутагенное воздействие на сужающиеся зоны стабильности, формируя глобальную альтернативу господствовавшему до недавнего времени прогнозам эволюции человеческого сообщества...

Речь вроде бы идет о дальних горизонтах истории, но уже в ближайшем будущем возможны первые тектонические подвижки. Вероятен, например, сценарий стремительного развития финансово-экономического катаклизма с непредсказуемыми, в сущности, последствиями. А взрыв „финансовой бомбы” способен оказать на мир, в конечном счете, не менее опустошительное воздействие, чем взрыв бомбы экологической или ядерной. (Хотя и ядерная угроза, казалось бы, снятая с повестки дня в ходе переговоров о взаимном сокращении стратегических и наступательных вооружений, вновь стучится в дверь, но уже, так сказать, с „черного хода”). И экологический кризис также неуклонно движется к своему „часу пик”.

Роль запала здесь мог бы сыграть крах основных „финансовых пузырей”; рынка вторичных ценных бумаг, процесса функционирования и обслуживания глобального долга, либо резкое падение курса фактической мировой резервной валюты – доллара...

Мир, исподволь утрачивающий позитивную перспективу, мир без границ, но и без горизонта неизбежно театрализуется, обменивая свои невоплощенные идеалы на виртуозные плоды „индустрии досуга”. В условиях социального распада жизнь приобретает ирреальный, игровой характер, приближаясь к подобию „пира во время чумы”. Взаимодействие же *большой игры* с разноликой *неоархаикой* способно породить единое эклектичное сообщество „профессиональных игроков”.

< ... >

...Однако в конце концов основной конфликт выбора и главный вопрос неизбежно сведется для него все к той же роковой, от века раскалывающей человечество дилемме: *свобода для страстей* или *свобода от них*²⁴.

²⁴ Там же. С. 178-179.

Итак, мы подробно ознакомились с замечательно глубоким, синтезированным анализом, может быть, самым ярким и впечатляющим за последние годы.

Ощущение, действительно, таково, что все человечество пытаются превратить в обреченного наркомана. Неужели можно рассчитывать на то, что необходимое количество реальных товаров можно будет делать за колючей проволокой новых спецлагерей?

Неоспоримо одно: **формы новейшего развития в мире создают смертельную угрозу для традиционного государства, традиционного общества и традиционн понимаемой личности.**

Если все эти процессы – результат политики глобализации, которая, не афишируя себя, начала разрастаться и обретать устойчивую агрессию еще в период „холодной войны”, в решающей степени воздействуя на ее конфигурацию, то цивилизованное и демократическое (в классическом смысле) общественное мнение должно стать на пути глобализации. Из ошеломляющей разработки А.Некlessа, каким бы ни было ее фактическое назначение, однозначно вытекает, что **грядет глобальная неофашистская диктатура; анонимность ее внешних форм только усиливает ее безжалостность и жестокость.**

Разумеется, все в нас сопротивляется этому новому аллармизму и мобилизационности, большинство из нас, убаюканное пропагандой, уверовало в то, что с уходом СССР с мировой арены установится какое-то полюбовное согласие и общий экономический и духовный подъем. Это была очередная химера. А реальность – совершенно иная: все мы вышли из одной стадии конфронтации и кризиса, чтобы немедленно попасть в объятия другого кризиса и принять новый вызов.

С высот нынешнего опыта перед нами сегодня ясно прочерчиваются контуры того грядущего, которое не только соответствует нашим традициям и нашему культурному складу, но и являются единственно спасительным. Это общество, в котором человек:

- не откажется от высшей нравственности своих предков;
- сохранит национальную культуру;
- сохранит суверенное национальное государство;
- подчинит свои действия только законам, в том числе международному праву классических времен, когда еще не существовало заговора глобалистов;
- сохранит самовосстанавливающуюся природную среду;
- сумеет разумно управлять всеми социальными процессами, включая демографический рост;
- увеличит степень своей личной свободы за счет совершенствования своего производительного потенциала и своего духовного облика;
- получит оптимальные материальные средства для существования и развития.

А.Некlessа, проявляя в этом случае полную солидарность с западными исследователями, явно преувеличивает достижения современной цивилизации и несколько упрощенно оценивает дохристианскую культуру.

Возможно, условность всех логических схем призвана указать на неизбежность глобализма, будто бы в конечном счете произрастающем из идеологии антропоцентризма, но такой взгляд нам представляется никак не соответствующим логике всего исследования А.Неклесса, поскольку антропоцентризм не распространяется равномерно даже в западных странах, а концентрируется в некую управляющую, доминирующую надо всем силу.

То, что эта сила не вырождает состояния преобразившегося мира, а является агрессивной по отношению к нему, доказывает то, что этой силе начинает явно мешать не только национальное государство, но даже классическая демократия и традиционный институт частной собственности, – эта сила претендует на то, что поглотить все и стать полным и единственным гегемоном. Не отсюда ли настойчивое внедрение этой странной иерархии „авторитетов”, даже (и особенно) среди полунищего и нищего большинства?

Нас не должна вводить в заблуждение расплывчатость концепций и новый „аналитический язык”, совершенно условный и доступный только посвященным.

Убеждает является мысль А.Неклесса о том, что беды России связаны с обозначенным кризисом цивилизации. Но ведь и эту мысль можно истолковать двояко. Если Россия жертва, то она жертва безликой и безответной логики истории или все-таки жертва глобалистического заговора?

В данном случае хотелось бы еще раз подчеркнуть: к опыту России мы обращаемся в данном исследовании более всего потому, что он с наибольшей наглядностью рефлектирует проблемы, существующие во всех без исключения трансформирующихся странах, более того – во всем мире.

Существующие в этой сложной системе связи (всемирный интерес – национально-государственный интерес – общественный интерес – гражданский интерес) представляются нам в новейших условиях геополитического развития (без СССР и при сохраняющемся непризнании многополярности мира) энергетически исчерпанными. Они еще способны воспроизводить отношения, но они уже готовы к новой бифуркации или мутации – под действием какого-то нового реагента.

Вся эта сложная система чревата на каком-то этапе взрывом, но она способна и эволюционировать одновременно во всех своих звеньях хотя и с разной скоростью и эффективностью.

Главные ферменты этой супертрансформации: это или императив рационализма, опирающийся на новые экологические императивы (плюс все прежние социально-политические императивы), или императив глобализма, постепенно удушающий национальную государственность и превращающий все континенты в однообразный „бульон”, как очень метко выразился Е.Неклесса, в котором доводится до кондиций благосостояние „ведущих наций” – под неусыльным наблюдением „ловарской” команды.

Какой вариант пробьет себе дорогу? Это зависит не в последнюю очередь от великих держав, от степени осознания ими грозящей опасности

новой „вавилонизации” или „интернационализации”. Но это зависит также и от невеликих держав: сумеют ли они вовремя осознать общую опасность и найти способ к объединению и координации усилий ради общего спасения?

Глобалисты предпринимают все, чтобы объявить национальные интересы пройденным этапом истории и реакционным началом. Антиглобалисты прекрасно понимают демагогический характер постановки проблем, их ядовитый идеологический привкус. Они понимают, что национально-государственные интересы образуют единственную реалистическую базу для решения всех экологических проблем разного уровня.

Глобализм для своей победы предполагает:

- непрерывное усиление надгосударственных структур международного характера (в т.ч. через интеграцию, рост ее уровней и т.п.);
- ослабление влияния национальных государств на формирование своей перспективы (вот отчего трясет ООН);
- углубление интернационализации капитала и правящих элит, закрепление компрадорства в качестве философии и социальной психологии наиболее динамичных слоев в национальных государствах;
- подавление национальных культур и традиций за счет мощного информационного внедрения унифицирующего характера;
- все более жесткую и унифицированную регламентацию общественной жизни, ее регионализацию;
- программирование индивидуального развития, его сугубо функциональность, ограничение свобод при формальном попустительстве всем направлениям суперэгоизма;
- подавление любой организованности масс, не исходящей от партий, групп и организаций, выполняющих глобалистские задачи.

Весь процесс глобализации сопровождается мерами по силовому устранению „непокорных” правительств и лидеров, силовому разоружению и новой регламентации „систем безопасности”, разрушению национальных научных и конструкторских центров, унификацией и таким упрощением „всеобщих” систем образования, при которых национальные центры были бы не в состоянии разрабатывать новые системы оружия или даже новые промышленные технологии, а управляющая метрополия могла бы через свою агентуру скупать по всему миру наиболее перспективных ученых и конструкторов.

Мировая культура в этих условиях станет превращаться все более в предмет старины, не пополняясь новым наследием. Общая культурная деградация станет неизбежной вслед за деградацией материальной.

Криминальность в условиях глобализации примет всеобщий характер и на каком-то этапе полностью срастется со штабом „архитекторов процесса” и станет выполнять его „корректирующие задачи”.

Таким образом, беспристрастный анализ прочерчивает нам кошмар, который пропаганда будет подавать в виде необходимой платы за сохранение и рост цивилизации, всячески приуменьшая трагические потери всего человечества.

Исходя из сказанного можно сформулировать основные условия протекания естественного процесса изменений всепланетной системы существующих цивилизаций:

- принципиальное недопущение создания наднациональных структур, которые могли бы ускользнуть от постоянного контроля со стороны всего сообщества государств. Строжайший контроль за осуществлением любых проектов глобального характера при полном равноправии всех участников и праве любого государства на собственное мнение и действие по защите своей суверенности;
- недопущение создания замкнутой системы мировой торговли, поощрение развития региональных рынков, в том числе рынков капиталов и услуг;
- упор на многополюсность построения мировой системы. Поощрение региональных союзов, поддержка национальных государств, поддержка национальных культур и традиций;
- всеобъемлющее развитие духовности, поощрение распространения мировой классической культуры. Запрещение односторонних санкций по отношению к суверенным государствам;
- в международных усилиях: борьба против непрозрачности, закрытости и монополистичности, учет суверенности и равноправия народов;
- установление новых цен на промышленные и сырьевые товары, на услуги и инвестиционный капитал. Безусловное ограничение сверхприбылей и сверхпотребления;
- разработка и кодификация нового международного права, учитывающего императивы и приоритеты эпохи;
- реформирование ООН в направлении демократизации и сокращения бюрократических структур. ООН не должна действовать в качестве организации, навязывающей свои решения, в т.ч. посредством механического большинства;
- инвентаризация и ревизия всех международных организаций;
- установление новых принципов „международных налогов“ суверенных государств, справедливое разрешение вопроса о международных чиновниках, устранение кастовости чиновничьего корпуса и их пожизненных привилегий;
- разработка новой концепции политического, экономического, культурного и технического взаимодействия народов – с целью упразднения десятков международных организаций и удешевления процедур взаимодействия;
- разработка новой концепции экономической и социальной помощи нуждающимся народам;
- всемирные программы „Здоровье“, „Образование“, „Духовная готовность“;
- решительная борьба с преступностью всякого вида;
- программа борьбы с наркотиками, алкоголизацией и развращением нравов;
- противостояние информационному империализму.

Этот перечень, конечно же, нельзя считать завершенным и универсальным, так как проблемы гармоничного всепланетарного существования различных цивилизаций всеобъемлющи и требуют усилий всего научного

сообщества. Еще А.Смит в свое время заметил: „Жадность и несправедливость всегда близоруки”²⁵. Эти слова можно с полным основанием отнести к доктрине глобализма, все более выявляющей свой порок близорукости.

И тут вполне уместно обратиться к оценке смысла коллективных усилий государств в XX веке, данном Генеральным секретарем ООН: „Смысл разработанного в XX веке проекта создания международной организации состоит в том, чтобы добиться расширения – во времени и в пространстве – **национальных интересов и предпочтений** с целью произвести в больших количествах общественные блага, которые политический рынок междугосударственных отношений в противном случае произвел бы в недостаточном количестве”²⁶.

Именно обеспечение национальных интересов и предпочтений должны всегда оставаться решающими критериями в оценке смысла коллективных усилий государств XXI века, сутью и основным содержанием их внешней политики.

Но как раз эти интересы и подвергаются наибольшему угрозам: Разнообразные последствия окончания „холодной войны” продолжают оказывать ощутимое воздействие на обстановку в мире даже сегодня, спустя почти десятилетие. Прекращение соперничества и военной конфронтации между сверхдержавами положило начало целой серии положительных перемен, произошедших как внутри страны, так и в их отношениях между собой. **В то же время международное сообщество до сих пор не может преодолеть негативные последствия крушения двухполюсной системы** (подчеркнуто мною – А.Д.). Межэтнические конфликты, вспыхнувшие после распада ряда многоэтнических государств, будь то в Центральной Азии или бывшей Югославии, являются тому трагическим свидетельством. Некоторые из районов Азии и Африки, в которых некогда велись спровоцированные извне сражения „холодной войны”, продолжают испытывать разрушительное воздействие нестабильности. Государства, целостность которых сохранялась благодаря их потенциальной стратегической ценности для одной или другой стороны, в ряде случаев пострадали затем тяжелейшим образом; это произошло, например, на Африканском Роге в начале текущего десятилетия, а совсем недавно в бывшем Заире. Для полной ликвидации сохранившихся со времен „холодной войны” социальных, экономических и политических перекосов необходима помощь всех государств, в особенности тех, которые играли ведущую роль в „холодной войне”²⁷.

Из приведенного положения ясно только то, что крушение двухполюсной системы геополитических противостояний имело негативные последствия.

Используя тот же условный язык, Генеральный секретарь ООН в конце концов указывает на виновника – „процесс глобализации”: „Это,

²⁵ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1993. С. 539.

²⁶ Аннан К. Обновление на переходном этапе. Нью-Йорк, 1997. С. 2.

²⁷ Там же. С. 4.

может быть, самый мощный источник международных трансформаций, если взять период, истекший с тех пор, как промышленная революция начала превращать внешнюю торговлю в обыденный атрибут международной жизни. Начиная с 60-х годов текущего столетия, когда были несколько ослаблены механизмы контроля за капиталом и стали постепенно возникать многонациональные промышленные компании, активно пошел процесс интеграции финансовых рынков, а производство товаров и услуг приобрело транснациональный характер²⁸.

Мы хорошо понимаем, какая мощь стоит за всем этим: объем международных потоков превышает объем международной торговли в соотношении 60:1, в то время как прирост объема мировой торговли, в свою очередь, из года в год превышает прирост общемирового объема валового внутреннего продукта более чем на 5 процентов.

Сложившаяся к началу XXI века глобальная экономическая система реально манипулирует объемами мировой торговли, финансовыми поставками, активно влияет на темпы развития национальных государств. К.Аннан свидетельствует: „Глобализация и породившая ее либерализация положили начало длительному периоду экономического роста, а также беспрецедентному по своим стремительным темпам процессу изменения международной экономической географии. В промышленно развитых странах достигнуты невиданные ранее уровни богатства и качества жизни. В других районах мира некоторые страны, которые лишь одно поколение тому назад боролись с нищетой, превратились сейчас в мощные полюса экономического роста. К концу жизни следующего поколения большинство стран мира с наиболее высокими темпами экономического роста будут составлять страны, которые сейчас относятся к категории развивающихся”²⁹.

После сокрушения СССР финансовые лидеры западного мира не желают больше делиться своими доходами ради идеологических целей. Но поскольку падение уровня жизни основных масс на Западе также чревато отрицательными последствиями, предполагается усиление экономического и финансового давления на слаборазвитые регионы.

Пока до 40% всех инвестиций в слаборазвитые страны поглощает Китай. На долю Восточной Азии приходится 2/3 объемов. А вот на Африку приходится только 4% инвестиционного потока³⁰.

„Причесывая” истинное положение, доклад ООН сообщает, что „непоступление глобальных финансовых ресурсов не является препятствием для искоренения крайней нищеты”³¹. Но и поступление ресурсов не является гарантией ее исчезновения.

Генеральный секретарь ООН, видимо, испытывает настолько сильное давление со стороны, что пытается совместить несовместимое. С одной стороны, он одобряет линию на ослабление национальных государств,

²⁸ Там же. С. 4-5.

²⁹ Там же. С. 5.

³⁰ Там же. С. 6.

³¹ Там же. С. 6.

которые якобы „не создают богатств”³², путем „широкомасштабного процесса приватизации и дерегулирования”. С другой стороны, понимая, что всякий здравомыслящий оспорит этот тезис ссылкой на то, что для государства вполне довольно и того, что оно не позволяет растаскивать созданные богатства, он осторожно говорит о том, что „даже в развивающихся странах с рыночной ориентацией государство призвано играть существенно важную роль, обеспечивая условия, благоприятствующие устойчивому развитию”³³.

В самое последнее время тактика глобалистских сил претерпела определенные изменения, натолкнувшись на стену непонимания, которую не могут разрушить и коррумпированные элиты. Даже Всемирный банк в своем „Докладе о мировом развитии” за 1997 год вынужден был согласиться с тем, что „эффективно функционирующее государство” играет важную роль.

Отражая эту гибкость нынешней тактики, К.Аннан признает, что достижение надлежащего баланса, особенно в условиях, когда гражданское общество слабо, а транснациональные силы исключительно мощны, являются чрезвычайно трудной задачей³⁴.

Он, естественно, ратует за распространение „информационной революции” на все страны мира. За содействие более активному приобретению и широкому использованию информационных технологий развивающимися странами. Однако не может привести сколько-нибудь веских доводов в пользу того, что новые огромные расходы (технологически уже постоянные) дадут какой-либо существенной прирост. Напротив, всем известно, что усилит бюрократию, а в условиях „информационного неравенства” все страны станут еще более зависимы от „информационных доноров”.

Доклад о работе ООН за 1997 год К.Аннан посвящает проблемам неравенства, борьбе за ликвидацию нищеты, характеристике процесса социальных перемен. „Мы живем в эпоху перестройки. На международном и национальном уровнях действуют могучие силы, под влиянием которых изменяются формы социальной организации, комплексы возможностей и ограничений, устремления и источники страха. Как это свойственно всем переходным периодам, весьма различные проявления непростого состояния, в котором находится человечество, сосуществуют сегодня в обстановке тревожной напряженности: глобализация приобретает всемирные масштабы, и одновременно происходит активизация процессов распада и утверждения индивидуальных особенностей; расширяются зоны мира, и одновременно происходят все более мощные вспышки ужасающего насилия; накапливаются неслыханные богатства, и в то же время на обширных пространствах продолжает царить нищета; воля народов и их неотъемлемые права одновременно превозносятся и попираются; наука и техника способствуют повышению уровня жизни человека, а побочные

³² Там же. С. 7.

³³ Там же. С. 7.

³⁴ Там же. С. 7.

результаты их развития в то же время создают угрозу системам жизнеобеспечения на нашей планете”³⁵.

Мы вправе выделить доминанту современного положения: **нестабильность, переходный период, некий неопределенный процесс глобализации.**

Можно согласиться с тем, что мир способен развиваться по оптимистическому сценарию, что ни одна страна не может выстоять в одиночку, что ООН может стоять в центре совместных действий. Но – каких действий? В чьих интересах?

Обозначенная проблема вызывает интерес с точки зрения реализации определенных политических установок, – эти аспекты весьма недвусмысленно связаны, но все же они различны. Не подлежит сомнению, что реализация определенных политических принципов предполагает соответствующую идеологическую подготовку.

В послесталинский период, как подтверждает А.Зиновьев, „Запад начал оказывать огромное влияние на советское общество, начал превращаться в постоянно действующий фактор жизни большого числа советских людей. Он вторгнулся в сознание советских людей по множеству каналов, включая пропаганду западного образа жизни, элементы западной технологии, предметы одежды, книги, фильмы, музыку... Тот факт, что этот процесс нес с собою в Советский Союз прежде всего тлетворное, деморализующее начало, понимали очень немногие”³⁶.

Дело, конечно, не столько в понимании, сколько в официальной линии, которая никогда не отличалась последовательностью. **В какой мере идеологическое проникновение иной культуры или – шире – иной цивилизации может иметь место, чтобы не подорвать их самостоятельного развития?**

При таких полярных во многом системах, какими были Советский Союз и США, эта степень более или менее поддается определению. Поэтому приходится только удивляться близорукости советской машины агитпропа, в то время как французские интеллектуалы, к примеру, довольно эффективно противостояли наводнению французского кинорынка американской кинопродукцией.

Особый интерес и особую актуальность эта проблема получает в случае с трансформирующимися государствами. Понятно, что общеполитические установки толкают Запад к полному слому остатков прежней цивилизации (или социокультурной системы). Но, во-первых, реально ли это? И, во-вторых, не ведет ли это к созданию потенциально больших проблем, нежели те, которые уже существуют?

Политический эгоизм, граничащий с давно осужденным империализмом, видимо, не может органично вписаться в процессы развития государств. Это трудно понять и принять тем, кто добивается политических или финансовых прибылей. Но те, кто отвечает за стратегию экспансии, должны были бы просчитать возможный эффект.

³⁵ Там же. С. 1.

³⁶ Зиновьев А. Русский эксперимент. М., 1995. С. 152.

Не подлежит сомнению, что антизападные настроения во всех без исключения странах СНГ за период после августа 1991 резко усилились, причем усилились, как показывают социологические опросы, не только в среде населения, материальное и духовное положение которого стремительно ухудшилось, но и среди тех, кто реально участвует в создании рыночной экономики (предприниматели в товаропроизводящих фирмах). Неужели это было целью западной стратегии?

Ныне во всех странах СНГ встает вопрос о самостоятельном значении национальной культуры и о ее гармонизирующем вкладе в мировой порядок, но кто из нынешних политических стратегов Запада готов вовлечь этот фактор в формирование общей стратегии?

Не следует преувеличивать нынешней мощи США – это более всего воздействие пропаганды, которая все еще не перестроилась. На счет довольно удачно выразился Г.Киссинджер; самое удачное, что он отделил США от „глобальных сил”: „Окончание „холодной войны” создало ситуацию, которую многочисленные наблюдатели называют „однополюсным” или „моносверхдержавным” миром. Но Соединенные Штаты на деле находятся не в столь блестящем положении, чтобы в одностороннем порядке диктовать глобальную международную деятельность. Америка добила большего преобладания, чем десять лет назад, но по иронии судьбы сила ее стала более рассредоточенной. Таким образом, способность Америки воспользоваться ею, чтобы изменить облик остального мира, на самом деле уменьшилась...

...Могучие глобальные силы трудятся все упорнее, так что по ходу времени Соединенные Штаты лишатся части своей исключительности. В обозримом будущем у американской военной мощи по-прежнему соперников не будет. И все же американское стремление направить эту мощь на мириады крохотных конфликтов, которым мир явится свидетелем в течение надвигающихся десятилетий – типа Боснии, Сомали и Гаити, – явится ключевым концептуальным вызовом для американской внешней политики. Соединенные Штаты, вероятнее всего, в будущем столетии сохранят самую мощную в мире экономику. И все же благосостояние распространится гораздо шире, точно так же, как технология, обеспечивающая благосостояние. И Соединенные Штаты окажутся перед лицом экономической конкуренции такого рода, какая не проявлялась в период „холодной войны”³⁷.

Начало XXI века принесло серьезные политические изменения в отношениях между США и Россией. Их новые лидеры – Дж.Буш и В.Путин стремятся объединить усилия в борьбе с мировым терроризмом, создать надежную систему защиты государств от глобальных вызовов нового века. Конечно, не просто преодолевать многолетние стереотипы, но «дорогу осилит идущий».

Как беспочвенны опасения о том, что Россия может раствориться в «Европе». О геополитической роли образнее других сказал Вальтер

³⁷ Киссинджер Г. Дипломатия. М.1997. С. 736-737.

Шубарт: „Современная Европа – это форма без жизни. А Россия – жизнь без формы. В первом случае душа покинула форму, оставив лишь пустую оболочку. Во втором – жизнь взорвала прежние стеснительные формы, но новой пока не обрела. Тем самым мы хотим сказать, что в обновлении человечества, связанным, точнее, совпадающим с задачей западно-восточного примирения, акцент должен быть поставлен на русскую сторону – сторону жизни, а не на сторону формы”³⁸.

В этой умозрительной, установочной формуле есть определенный социологический смысл: в русской душе еще не до конца разрушена вера в великие идеалы, которых так недостает сегодня западной цивилизации, чтобы стать более привлекательной.

Особенно это касается национальных проблем и национальной политики. Так, Люксембургский институт по изучению европейских и международных проблем в своих публикациях как-то весьма своеобразно интерпретирует всю эту проблему, утверждая, что в мире существует до 2 тыс. наций, а государств, мол, всего около 200, так что одно это уже снимает проблему национального государства: „Большинство государств распределено между различными народами; многие нации поделены государственными границами”³⁹.

Образность языка рассуждений по этой проблеме преобладает над его способностью отражать научные критерии: „Государство и нация становятся потенциальными монстрами, требуя тотальной и ни с кем не делимой преданности от своих приверженцев. Там, где оба монстра сравнительно укрощены, конфликтный потенциал невысок; там, где ни один из монстров не укрощен, особенно велик риск возникновения коллективных проявлений насилия, среди прочего, по причине того, что понятия автономии и самоопределения сталкиваются и в правовом поле и в политическом”⁴⁰.

Все это говорится и пишется для того, чтобы опорочить „этно-национальные движения” в странах Восточной Европы (не трогая Кавказ и Среднюю Азию), представить их какими-то отмороженными, извлеченными из „коммунистических ледяных камер”. Вот, на Западе интеграция – это интеграция, а на Востоке – это смех и забава.

Двойные стандарты – идеологические подходы, напрочь разрушающие всякую объективность анализа. Имея все это в виду, хочется повторить вывод, сделанный А. Михайловым, академиком Национальной академии наук Беларуси: „Современная цивилизация, по-видимому, действительно находится на пороге событий, настоятельно требующих более адекватного осмысления и глубокого анализа: традиционное отставание социальной теории от наполненной чрезвычайным динамизмом реальности ощущается сегодня как никогда ранее остро...”

³⁸ Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 1997. С. 307.

³⁹ Small States and the Security Challenge in the New Europe. Basseys Atlantic Commentaries/ Londjn; Washington, 1996. № 8. P. 31.

⁴⁰ Там же. С. 32.

Процессы самоопределения осуществляются в обстановке, существенно отличающейся от всего того, что происходило в эпоху становления национального самосознания и формирования государственности в Европе в XVII-XIX вв. Мир конца XX века в такой мере испытывает воздействие усугубляющейся глобализации во всех измерениях общественной жизни, что традиционные ценности, еще недавно выступавшие в качестве регулятивов поведения человека все более утрачивают свою значимость. Приходится во все большей степени признавать, что обозначенный Ницше этап развития культуры, характеризуемый им как „ниспровержение ценностей”, обретает такие контуры, при которых современная динамика социальных изменений – как на национальном, так и на межнациональном уровне – таит в себе опасность оказаться все менее регулируемой, и, тем самым, отрицательно влияет на необходимые для общества формы социальной стабильности и социального контроля”⁴¹. Наиболее последовательную борьбу против глобализации способны вести демократические национальные правительства. Всякие извращения, дискриминирующие или противоправно ограничивающие общество в целом или его граждан, – все это наружу глобалистским силам.

Между тем, ситуация продолжает оставаться с этой точки зрения крайне тяжелой. Центрально-европейские государства в большинстве уже встали на путь глобализма, т.е. сдачи национальных интересов и, как правило, идут полностью в русле главных дирижеров всех нынешних событий.

Россия все еще не сформулировала своего отношения по главным проблемам и мечется между „да” и „нет”. Это и не удивительно, потому что установившийся в России строй никак не может быть отнесен к национально-демократическим. Вот какие оценки дает нынешний российской государственности А.И.Соловьев, профессор кафедры политической социологии Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова: „Коллеблющееся государство, не обладая четкими политическими принципами, демонстрирует обществу нравственно обескураживающие действия и компромиссы, что в конечном счете мешает его гражданам утвердиться в справедливости общечеловеческих и демократических приоритетов”⁴².

Как все идеологические пропагандисты, глобалисты внушают, что именно глобализация разрешит все проблемы. Мол, интеллектуалы как основная движущая сила национализма станут легко перемещаться между странами и поневоле усвоят дух интернационализма.

Э.Геллнер по этому поводу замечает: „Я не верю в том, что это произойдет”. И повторяет точку зрения Дж. Ф. Ревеля: „Народы не похожи друг на друга. Не были они одинаковыми в бедности, не будут одинаковыми и в роскоши”⁴³.

⁴¹ Михайлов А. Диалог культур и политическая стабильность в посткоммунистическом мире // Беларусь в мире. 1997. № 4. С. 49.

⁴² Соловьев А. Этика бюрократии: постсоветский синдром.// Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 49.

⁴³ Геллнер Э. Нации и национализм. С. 246-247.

Далее Э.Геллнер утверждает, что „именно национализм порождает нации, а не наоборот“⁴⁴. Не оспаривая правомерности и такого взгляда, я хочу только подчеркнуть, что борьба против национализма в таком случае имеет целью разрушение нации.

Не в этом ли основная проблема нашей эпохи? Не в том ли, что многие нации ощущают угрозу собственному существованию? Принципиально верно и то, что национализм – это умышленное построение. «Мы не должны склоняться к ошибочному заключению, – пишет Геллнер, – что национализм – это случайное, искусственное, идеологическое измышление, которого могло бы не быть, если бы только эти чертовски настырные, неугомонные европейские мыслители, которым до всего есть дело, не состряпали его и на беду не впрыснули в кровь»⁴⁵.

И еще одно не свойственное западным исследователям, но тем не менее очень точное определение: „Национализм – это разновидность патриотизма, имеющая несколько очень важных отличительных особенностей. Прежде всего сообщества, которым такой вид патриотизма, а именно национализм, дарит свою преданность, должны быть культурно однородны и жить на культуре, стремящейся быть „высокой“ (то есть письменной) культурой“⁴⁶.

Планы глобализации очень напоминают эксперименты по генной инженерии, когда насильственно соединяют, казалось бы, вовсе несоединимые вещи, получая в итоге нечто непредсказуемое и чудовищное. Ни в коем случае нельзя допустить того, чтобы внутри нашей уже ослабленной цивилизации появились искусственные катализаторы, меняющие всю ее «генетику».

Нам всем, и Западу, и Востоку – в одинаковой степени – нужна общая перспектива. Мы должны помнить, что мы никакие не первооткрыватели, и даже в идее глабализма как таковой нет ничего принципиально нового. Однако новейший исторический опыт открывает в этой идее новые качества, опасные для сообщества в целом.

Как критики западной цивилизации, так и критики стран, вступивших на путь трансформации, имеют много различий, императивом остается одно: придется преодолеть низкий уровень социальной, духовной, бытовой и управленческой культуры во всех странах, чтобы не вызвать новых и роковых обострений и борьбы за передел сфер влияния.

А.Н. ДАНИЛОВ

Prof. dr hab., Katedra Socjologii, Uniwersytet Białoruski w Mińsku, członek Białoruskiej Akademii Nauk, Białoruś

⁴⁴ Там же. С. 127.

⁴⁵ Там же. С. 127.

⁴⁶ Там же. С. 280.